

Михаил Март
Окончательный монтаж
Серия «Сквозь тусклое стекло», книга 2

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592355

Михаил Март. Окончательный монтаж. Сквозь тусклое стекло – 2: Аст, Астрель, ВКТ; Москва;
2010

ISBN 978-5-17-067533-3, 978-5-271-28228-7, 978-5-226-02343-9

Аннотация

Никогда еще известный сыщик столицы полковник Кулешов не был марионеткой в руках преступников. На его счету числились сотни пойманных бандитов и рецидивистов, но он не умел сражаться с невидимками. Кукловод всегда оставался за спиной. Иди туда, Кулешов, и там тебя ждет сюрприз. Невидимые стрелки на асфальте указывали полковнику путь. Он шел и находил очередной труп. Кукловод посмеивался, а сыщик попадал впросак. Враг рядом, он слышит его дыхание, но ничего не может сделать. Решение есть. Надо понять правила игры, с которой ты не знаком, а потом сделать свой ход. Важный и нужный. Упреждающий удар! Не сумеешь понять правила, так и будешь спотыкаться о трупы в темноте. Ничьей в кровавых схватках не бывает! Тут нужна только победа!

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	7
3	10
4	19
5	26
6	29
7	34
8	35
9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Март

Окончательный монтаж.

Сквозь тусклое стекло – 2

Одержимость

Автор, которого ждали все

Глава 1

1

Они сидели на стульях посреди комнаты и как замороженные смотрели на шедевр великого художника, висящий на стене над кушеткой.

– У меня нет слов, Жорж. Это подлинник.

Братья Леблан считались, и не без основания, лучшими экспертами по русской живописи среди самых квалифицированных знатоков искусства. Они представляли филиал парижского аукционного дома и определяли подлинность полотен, перед тем как выставить лоты на торги. В их компетенции никто не сомневался, и по этой причине купленные в Париже шедевры получали статус подлинника, не требовавшего дополнительных экспертиз.

Жорж склонил голову набок и поджал нижнюю губу.

– Баскаков покупал картину у нас. На холсте должна остаться метка. Ты ее помнишь?

– Конечно. Я не о том. Мы видели все полотна в апартаментах, расположенных на нашем этаже. Если в нашем номере висит подлинник, значит, и в других тоже. Никто же не знал, в какой номер мы попадем и какой картиной заинтересуемся.

– Что ты хочешь этим сказать, Жорж? – с недоумением спросил брат.

– Я не верю, что Илья Баскаков мог продать отелю все свои шедевры. Их тридцать. И не говори мне о деньгах. Картины бесценны и дорожают с каждым днем. Баскаков четверть века собирал свою галерею, начинал с пяти картин, оставленных ему в наследство дедом. Он никогда ничего не продавал, только покупал. Деньгами его не соблазнишь, он одержимый.

– Владелец отеля показывал нам купчую. С такой сделки платится бешеный налог. Я о другом подумал. Если Баскаков нашел гениального копииста, а такие есть, то он мог ввести в заблуждение Рашида Мамедова. В этом случае определит подделку только лабораторное исследование.

– Наша метка на обратной стороне холста даст исчерпывающий ответ.

Морис покачал головой:

– Мы поднимем на ноги весь отель. Тут же сигнализация. О ней нам прочитали целую лекцию.

Он подошел к телефону.

– Кому ты звонишь? – спросил брат.

– Баскакову. Зачем гадать? Я хочу задать ему вопрос напрямую.

На звонок ответила женщина.

– Мадам Юлия? Вас беспокоит Морис Леблан.

– Рада вашему приезду. Приятный сюрприз.

Жена галерейщика, как и сам Баскаков, прекрасно говорила по-французски. Она сопровождала супруга во всех турне по аукционам, в качестве арт-директора вела переговоры по купле картин, так как Илья был слишком импульсивен. Страсть коллекционера не давала ему возможности поступать трезво и расчетливо. Юлия же отличалась холодным умом и исключительной выдержкой.

– Мы не могли не приехать. На приглашениях, разосланных по всему свету, репродукция картины Кандинского «Этюд к импровизации № 3». Она была продана в Нью-Йорке за сорок один миллион долларов в прошлом году.

– Хорошая завлекалочка, месье Леблан. Артистам прислали приглашения с портретом Мадонны, а владельцам отелей-конкурентов – с фотографиями золотых унитазов. Это же обычный маркетинговый ход. Вы на него клюнули. Как, впрочем, и другие.

– Но я видел своими глазами и Кандинского, и Малевича. Каталожные картины. Они же принадлежат вам.

– Уже нет. Наверняка хозяин отеля хвастался купчей. Документ подлинный.

– Не сомневаюсь, мы знаем толк в таких документах. В бумагу можно поверить, но вот картины... Ваш муж не мог отдать подлинники, в них вся его жизнь. Или он решил лечь в могилу в расцвете сил?

– Да, сердце у него не очень здоровое, но я думаю, что лет двадцать он еще проживет. Что за картина висит перед вами?

– Кандинский. «Кроткое создание». Мы продали ее одному русскому бизнесмену, а он перепродал ее вам. Историю мы знаем.

– Тем более. Картина проходила через ваши руки, и вы знаете, как определить ее подлинность. У вас должны быть свои секреты.

– Для этого картину надо снять со стены.

– В чем проблема? – засмеялась женщина.

– А сигнализация?

– И что? Вы же не намерены ее воровать. Ваше любопытство безобидно. Ничего страшного не случится. Немного звона в ушах, и на этом все кончится. Смелее, месье Леблан, не то вы не сможете спокойно спать. Удачи!

Морис осторожно положил трубку, некоторое время в задумчивости смотрел на телефон, потом резко сорвался с места, вскочил на кушетку и снял картину со стены. Оборвались какие-то проводки, но он не обратил на это внимания.

Братья положили полотно на ковер лицевой стороной вниз. Жорж схватил лупу, встал на колени и прильнул к нему.

– Она! Она, черт подери! Баскаков сумасшедший! Глазам своим не верю!

– Юлия подтвердила факт продажи. Своими ушами слышал.

Дверь номера распахнулась, и в апартаменты ворвались четверо молодцев в черной униформе, с пистолетами в руках. Братьев тут же уложили на пол, прижали стволы к затылку. Через минуту вошел молодой человек в смокинге и коротко приказал:

– Уберите оружие и помогите подняться. Извините, господа! – обратился он к хозяевам номера по-французски. – Сработала сигнализация. Я Эдди Нечаев, главный менеджер отеля.

– Не извиняйтесь, мы сами виноваты, – отряхиваясь, виновато сказал Жорж. – Любопытство взяло верх над разумом.

– Я вас понимаю. Просто надо было нас предупредить.

В его кармане зазвонил телефон, он достал трубку.

– Да, Рашид. Номер 8013. Случилось то, о чем я предупреждал. Все в порядке, но наверняка последуют и другие сигналы. Слишком велик соблазн.

Рашид Мамедов, генеральный директор отеля «Континенталь», устроивший небывалый прием в честь его открытия, отодвинул панель в стене своего шикарного кабинета. Там

пряталась никелированная дверца сейфа. Он набрал код. В сейфе находились не полки с деньгами, а табло с кнопками, как в лифте. Рядом с каждой был тумблер. Директор опустил тот, что располагался рядом с кнопкой восьмого этажа, и светящаяся цифра погасла. Одновременно в кабинете перестал звучать скрипучий треск зуммера тревоги. Рашид поправил свой белый смокинг, достал платок и вытер капельки пота со лба.

Рашид Мамедов, человек уже не молодой, перевалило за шестьдесят, снискал себе славу добропорядочного бизнесмена. Свой первый миллион он сколотил относительно честным трудом. Начинал заправщиком на бензоколонке в Ташкенте, потом выкупил ее, а со временем скупил остальные. Все это было в девяностые, теперь же он владел контрольным пакетом нескольких нефтяных компаний Азербайджана. Сейчас он принял участие в строительстве отеля «Континенталь», который обошелся владельцам в миллиард долларов – сумасшедшая сумма для подобных объектов, и претендовал на звание одного из лучших в мире. Сколько человек принимали участие в создании восемнадцатизэтажного монстра с четырьмя крыльями – никто не знает. Не все заработали свои капиталы честным трудом, поэтому официальным владельцем и генеральным директором сделали Мамедова, самого честного из себе подобных. Конечно, компетентные органы знали многие секреты участников проекта, но мешать не стали. Лучший отель мира в столице России – дело неплохое. Созданы рабочие места, казна будет получать доход в виде налогов – появление такого бренда должно притягивать в Москву богатых туристов. Плюсов получалось больше, чем минусов. Правда, власти решили соблюдать дистанцию – никто из правительства на открытие отеля не приехал. Однако чиновники от государства гостей интересовали меньше всего.

Когда охранники покинули апартаменты 8013, главный менеджер мило улыбнулся постояльцам:

– Я хочу еще раз извиниться за неудобство. Думаю, что недоразумение улажено. В спальне висит оригинал Малевича, вы можете его снять и осмотреть, если возникнет желание. Вас больше не побеспокоят. До начала вечера осталось сорок пять минут. Пока все гости находятся в своих номерах, сигнализация будет отключена.

– Скажите, Эдди, вы ведь русский? – прищурившись, спросил Жорж Леблан. – Мог я вас видеть в парижском отеле «Ритц»?

– У вас хорошая память, месье Леблан. Я два года работал директором-распорядителем в «Ритце». Вернулся на родину, когда мне предложили участие в создании нового шедевра. И не сожалею об этом.

– Примите и наши извинения за случившееся, – улыбнулся Морис.

Братья остались одни.

– Нам дали зеленый свет. Почему бы не взглянуть на Малевича?

– Не сомневайся, он тоже подлинный. Я от другого не могу прийти в себя. Илья Баскаков! Эта страна никогда не перестанет меня удивлять.

– И ее люди, – согласился брат.

2

В комнате, похожей на костюмерную в театре, висело множество разнообразных костюмов, начиная с русских народных и кончая фраками и смокингами. Перед зеркалом крутилась девушка. Вырядившись в народный костюм, она достала из своего рюкзака русский парик с красиво заплетенной косой. Он так хорошо лег на ее аккуратную головку с короткой стрижкой, что девушка мгновенно превратилась в сказочную красавицу. Осмотрев себя в зеркале в полный рост, она повертелась, потом сняла мини-юбочку и подобрала себе юбку до колен, с вышитыми узорами. За ее переодеваниями наблюдал молодой человек лет двадцати трех, очень симпатичный, с обаятельной белозубой улыбкой. Он уже переоделся в красивую униформу на русский манер: расшитую ярким узором косоворотку, синие шелковые шаровары и красные сапожки. Парень лежал на мешках с чем-то мягким, подложив ладонь под затылок, курил и наблюдал за своей подружкой. Настроение у ребят было приподнятым, будто они собирались на карнавал, где их ждали приятные сюрпризы. Возле двери стояли две тележки, на каждой – маленькие серебряные подносы, на них вазочки с розами, бокалы с шампанским и по запечатанному конверту.

Девушка приколотла к груди пластиковый пропуск с фотографией на имя Ирины Лыковой. Если приглядеться, на снимке была другая девушка, но очень похожая, и тоже с русской косой. Чтобы заметить различие, надо очень постараться, а этого делать никто не будет. У молодого человека красовался точно такой же пропуск и тоже с чужой фотографией. На фотографиях всегда существуют детали, которые первыми бросаются в глаза. В случае с девушкой – это русая коса, в случае с парнем – черные курчавые волосы.

– Я готова! – весело провозгласила девушка.

Парень взглянул на часы.

– Уже скоро.

Не успел он это сказать, как раздался звонок его мобильного телефона. Мужской голос произнес только одно слово: «Готово». Молодой человек поднялся с мягкой перины, поправил рубашу, подтянул кушак, и парочка направилась к двери.

В коридоре не было ни души. Толкая перед собой тележки, молодые люди подошли к лифтам. Девушка нажала кнопку третьего этажа.

– Напрямую на этом лифте не проедешь, – сказал парень. – Кнопки шестого, восьмого, девятого и одиннадцатого этажей заблокированы.

– Чему ты удивляешься, Лешенька. Со служебного этажа невозможно попасть в жилые апартаменты. Все продумано до мелочей. Думаешь, одни мы такие умные?

– Они как огня боятся журналистов. Те еще проныры. Что касается других незаконных вторжений, то они исключены.

– Прошлой ночью кинологи с собаками прошерстили весь отель. Каждый закуток проверили. Слышал об этом, а, Леш?

– На пропуске ясно написано: «Виктор Лыков».

– Я помню. Мы же в лифте.

Кабина остановилась на третьем этаже, и парочка с тележками оказалась в огромном зале с мраморными колоннами и зеркальным потолком на высоте двух этажей.

Там были стойки администраторов и несколько ниш с лифтами. Надо было точно знать, к какому подойти, чтобы попасть туда, куда тебе надо. Парочка с тележками твердо знала свой маршрут. Она пересекла зал с левого дальнего угла к правому, ближнему к выходу. Возле лифтов стояла официальная охрана в униформе, но без оружия. Входить в отель с оружием не позволялось даже милиции, доблестные милиционеры дежурили снаружи здания.

Молодые люди вкатили тележки в огромную кабину лифта, отделанную красным деревом, золотом и зеркалами. Вместо кнопок тут были скважины для ключей.

– Восьмой этаж, – скромно сказала девушка.

– По вызову? Из какого номера? – спросил лифтер и потянулся к телефонной трубке, висящей на стене.

– Мы не из ресторана, а из дирекции. Разносим приглашения на вечер и должны зайти во все номера, – раздраженно произнес парень. – Гляньте на подносы. Непонятно? Можем позвонить генеральному.

– Вижу, вижу, – закивал лифтер и вставил ключ в скважину номер восемь. Двери закрылись, лифт мягко тронулся с места.

Они не успели моргнуть, как двери вновь распахнулись. Ребята выкатили свои тележки в широкий коридор. Возле лифта стояли двое охранников, левее за столом сидела нафуфыренная женщина лет пятидесяти и разговаривала по телефону. Здесь никто вопросов не задавал: и так ясно – кого попало на восьмой этаж не поднимают.

Молодые люди неторопливо покатали свои тележки. Дойдя до коридора, идущего поперек того, по которому они шли от лифта, девушка повернула направо, а молодой человек налево. Здесь стояла полная тишина. Постояльцы самых шикарных апартаментов восьмого этажа отдыхали перед вечерним представлением, о котором пресса трезвонит уже второй месяц подряд.

Молодой человек остановился перед дверью с номером 8012, взял со столика поднос и постучал в дверь. Через полминуты дверь открыла приятная пожилая дама с высокой прической из седых волос с сиреневым отливом и потрясающим гребнем, украшенным драгоценными камнями.

– Вы ко мне? – спросила она по-английски.

– К вам, леди Кэтрин. Дирекция прислала вам официальное приглашение на званый обед.

Богатая английская леди, жена лорда Кэмирона, заметила изящный серебряный поднос в руках посыльного с очаровательной мордашкой и, улыбнувшись, посторонилась. Кэтрин Кэмирон очень любила хорошеньких мальчиков. В далеком туманном Лондоне у нее имела квартиру для встреч с юношами, которые доставляли ей немало удовольствий и хлопот. Если бы ее муж знал, сколько денег стоили супруге ее слабости! Леди Кэтрин была щедрой женщиной, полученное ею наследство позволяло жить в роскоши, чего не скажешь о ее родовитом муже, имеющем титулы, награды, связи, но не деньги.

Кудрявый черноволосый юноша прошел в гостиную и остановился у стола.

– Вы совсем не похожи на мальчика из обслуги, – сказала дама, подходя к юноше. – И очень чисто говорите по-английски.

– Я студент. Подрабатываю в летний период. А английский язык очень люблю. Мечтаю поступить в Оксфорд в следующем году.

Леди Кэмирон глянула на поднос.

– Шампанское не ко времени, но с вами, пожалуй, выпью.

– Конечно, леди Кэтрин. Но я пью крепкие напитки. Шампанское – удовольствие для дам.

– Что вам налить? – улыбнулась, хозяйка.

– Бренди, если не затруднит.

Она налила бренди в высокий бокал, потом на секунду замерла, прошла в другую комнату и вернулась с сумочкой, осыпанной бриллиантами. Подав юноше бокал, достала визитную карточку и положила ее на поднос.

– Приедете в Лондон – позвоните мне. У меня много друзей в Оксфорде, я познакомлю вас с нужными людьми. Вы мне кажетесь очень приятным молодым человеком, я хочу вам помочь.

– У меня нет слов, чтобы высказать свое восхищение вашей добротой, леди Кэтрин.

– Пустяки. Выпьем за успех.

Дама смотрела на парня, как хищник на жертву, и он сумел многое прочесть в этом взгляде. Они выпили. Юноша обнял женщину, прижал к себе и поцеловал в губы. Она не сопротивлялась. Непонятно, чем все могло кончиться, если бы мышцы женщины не ослабли. Она начала тяжелеть, у нее подкосились ноги. Вряд ли леди Кэтрин потеряла сознание от переизбытка чувств, скорее от шампанского, в котором помимо благородного напитка было еще что-то. Алексей отнес ее в спальню и осторожно положил на кровать.

Дальше он действовал быстро. Вымыл бокалы в ванной, протер некоторые предметы полотенцем, взял свой поднос и электронный ключ от номера, после чего вернулся в коридор.

В апартаментах 8071 на стук девушки дверь открыл высокий мужчина лет пятидесяти в белом жилете и бабочке, брюнет с седыми висками, ровно постриженными усами, крупными чертами лица. Его строгое недовольное лицо тут же изменило выражение при виде голубоглазой русской красавицы с русой косой.

– Подарок с доставкой в номер! Сюрприз!

Она ничего не поняла, он говорил по-гречески.

– Мистер Константинос, позвольте вам вручить приглашение на званый обед по случаю открытия отеля «Континенталь», – сказала она по-английски.

Он взял девушку за руку и втащил в номер.

– Ты вовремя, малютка! Я подыхаю со скуки. Стой здесь, я сейчас.

Он быстрыми шагами направился к спальне и вернулся с бумажником. Открыв его, начал вытаскивать стодолларовые купюры, по одной, и кидать их на поднос. На пятой остановился.

– Пока хватит. Но это лишь прелюдия. Черт, как же ты хороша!

Константинос взял с подноса бокал и выпил шампанское залпом, потом вынул из вазочки розу и вправил ее в волосы девушки. Она испугалась. Парик был не закреплен и мог соскочить с головы, что и произошло в конце концов, но хозяин номера этого уже не увидел. Он упал, выронив бокал из рук и опрокинув вазочку с водой. Парик остался у него в руке. Гостья в национальном наряде выдержала паузу, потом присела на корточки, взяла свой парик, натянула на голову, собрала осколки бокала на поднос, отправилась в туалет, выбросила осколки в унитаз, вернулась, подняла деньги, сунула их обратно в бумажник, который отнесла в спальню, держа его салфеткой, и сунула в карман смокинга. Труднее обстояло с телом, но тут подоспел помощник. В дверь постучали. Три стука, пауза, еще три раза. Она открыла дверь.

– Ты вовремя, Алешка, я его не подниму.

– Приставал?

– Не успел.

– Как из голодного Поволжья. Здесь они вздохнули свободно. Скоты! Россия для них не страна, а бульвар красных фонарей.

Они подняли тело вдвоем и отнесли его на кровать.

– Не наследила? – спросил Алексей оглядываясь. – Не забудь взять ключ.

Через минуту они были в коридоре.

3

К центральному входу отеля подкатил шикарный лимузин. Шофер обошел автомобиль и открыл заднюю дверцу. Сначала появилась нога в бело-вишневых ботинках, потом трость и, наконец, высоченный красавец-брюнет лет пятидесяти, с сединой, с усами, подстриженными на мексиканский манер. Тут было чему удивляться, если бы среди окружающих нашелся человек, побывавший в номере этого господина, ну, скажем, минут пятнадцать назад, когда он швырял сотенные бумажки на поднос хорошенькой девушке в расчете на ее расположение, коего так и не добился, упав в обморок отнюдь не от избытка чувств.

Швейцары заблаговременно открыли двери и сняли фуражки. Гость неторопливо поднялся по широкой мраморной лестнице и гордо вошел в вестибюль. Немного странным казалось то, что на нем был светлый плащ. На улице стояла прекрасная погода, шкала термометра застыла на отметке девятнадцать градусов. Правда, синоптики обещали дождь, но кто же им верит, на небе ни облачка. Иностранцы – народ странный, стоит ли удивляться их чудачествам.

Гость поднялся на эскалаторе в центральный зал, артерию отеля, откуда дороги вели во все концы шикарного дворца. Он целеустремленно шел к главным лифтам, обслуживающим постояльцев отеля. Мимо него проехала тележка с вазочкой, розочкой и шампанским, которую катила миленькая девушка. На подносе лежала карточка, очень похожая на кредитку с магнитной полосой. На карточке был номер золотого тиснения. Когда они поравнялись, карточка исчезла с подноса, словно улетучилась. Девушка улыбнулась. Она ничего не успела заметить. Мужчина подошел к лифту и на вопросительный взгляд охранника показал карточку. Тот нажал кнопку, двери открылись. Вошедший показал карточку и лифтеру. Тот вставил ключ в скважину с номером восемь, двери закрылись.

Из главного холла на верхние этажи шло несколько лестниц и лифтов. Если кто-то терялся на какое-то мгновение, его тут же окружали люди в штатском и очень вежливо предлагали свою помощь. Для каждой категории гостей существовал свой пропуск, для обслуживающего персонала – свой. Постояльцы имели электронные ключи от номеров – пластиковые карточки с вытисненным золотом номером. Для особо важных персон имелся вход с противоположной стороны здания, там выстлали красную ковровую дорожку прямо до концертного зала. Прием городской элиты должен был начаться в семь вечера. Основная масса гостей могла попасть туда только через главный холл, поэтому в нем собралось много народа. Охранникам работы хватало: неосведомленные журналисты и просто любопытствующие сразу бросались в глаза. Маршруты продвижения к концертному залу им были неизвестны, их держали в строжайшем секрете.

Молодой человек с тележкой, точной копией той, что катила девушка, подошел к одному из столиков в холле и, не притормаживая, положил на него журнал. Тут же в кресло возле этого столика села молодая стройная брюнетка с пышными волосами до плеч. Дымчатые очки не позволяли хорошенько рассмотреть ее. Взяв оставленный журнал, очаровательная дама стала неторопливо пролистывать его, пока не заметила вложенный между страниц электронный пропуск, похожий на кредитку. Она незаметно переложила его в свою сумочку, не спеша направилась к барной стойке и заказала себе сухой martini с джином. Попивая напиток, дама в черном платье от Версачи, осторожно поглядывала на двери лифта, из которого в конце концов появилась наряженная в русские костюмы парочка с тележками.

Мужчина в светлом плаще вышел из лифта на восьмом этаже и, не взглянув на охранников и дежурную по этажу, которая сделала попытку поздороваться, направился к своим апартаментам. У двери с номером 8071 он остановился, провел карточкой по прорези. Крас-

ный огонек замка сменился на зеленый. Мужчина надел перчатки телесного цвета и только после этого повернул ручку двери.

В шикарных апартаментах стояла гробовая тишина. На кровати мирным сном спал человек, очень похожий на пришедшего. Гость сбросил плащ, пиджак, надел смокинг, висевший на спинке стула, забрал с тумбочки пригласительный билет. Не снимая ботинок, встал на кровать, едва не наступив на спящего, и снял со стены картину. Другую он снял в гостиной. К внутренней стороне его плаща был прикреплен рулон репродукций, которые по своему размеру совпадали с оригиналами полотен великих мастеров. Станный гость развернул их на большом круглом столе и начал разглаживать, поглядывая на оригиналы. Затем аккуратно поместил их в рамы.

Тем временем на этаже появилась женщина в черном. Она прошла по коридору и свернула влево. Воспользовавшись электронным ключом, вошла в номер 8021 и осмотрелась. Леди Кэтрин Кэмирон крепко спала на своей широкой кровати, рядом на столике лежало приглашение на прием и украшения из золота и драгоценных камней, а также видеокамера. Дама сняла темные очки и внимательно осмотрела камешки в оправках. Судя по всему, они не произвели должного впечатления. Забрав пригласительный билет, дама достала из сумочки маленькую кассету и вставила ее в видеокамеру вместо той, что там была. Потом вернулась в гостиную и спряталась за портьерами. Она все сделала вовремя. Джентльмен в белом плаще, подойдя к номеру, увидел зеленый огонек на электронном замке. Все соответствовало инструкциям – дверь не заперта. Он смело вошел в номер леди Кэмирон. Здесь ему предстояло выполнить ту же работу, что и раньше – заменить полотна на репродукции. Он не спешил, в какой-то момент даже снял парик, чтобы почесать лысый затылок. Джентльмен-вор скрутил картины в рулон, прикрепил их к подкладке плаща и ушел, захлопнув за собой дверь. Из укрытия появилась дама, снова поменяла кассеты местами и тоже не стала задерживаться.

В холле напряжение нарастало. Пришлось сконцентрировать там все силы безопасности. Ровно в семь часов с противоположной стороны здания открылись двери для прохода в концертный зал.

На автостоянку, расположенную на четырех уровнях под зданием, заезжали автомобили всех марок и классов. Верхний уровень предназначался для машин обслуживающего персонала, в том числе и для журналистов, имеющих на аккредитационных пропусках желтую полосу. С желтой полосой репортеры допускались не дальше чем в гостевое фойе концертного зала. С синей и красной полоской – в сам зал, где происходила торжественная часть вечера, и только те, кто имел на пропуске красную полосу, после торжественных мероприятий могли пройти на банкет. Но телевизионщики и газетчики с синей и красной полосой проходили через центральный вход по ковровой дорожке вместе с гостями, в то время как желтополосные попадали в фойе через «подвал», оставляя свои машины на верхней парковке и далее поднимаясь на лифте.

Лифты всех уровней парковки поднимались до вестибюля отеля, где все должны были регистрироваться. При выходе из лифта у всех проверяли пропуск. Фойе концертного зала находилось этажом ниже. Кажется, службой безопасности было продумано все до мелочей, и все же на вечер сумели попасть те, кого здесь считали нежелательными гостями.

Двое репортеров, прибывших в синем фургоне с ресторанной рекламой на кузове. У них были пропуска с желтой полосой, что означало ограниченный допуск. Поднявшись в главное фойе, они отправились в туалет и вышли из него в смокингах, не отличаясь от приглашенной элиты. Женщина в черном, обойдя отель, остановилась возле лестницы с ковровой дорожкой, ведущей в гостевое фойе перед концертным залом. Мужчина в белом плаще вышел на улицу, сел в подъехавший лимузин. Черноволосый парень и девушка с косой переоделись в костюмы обслуживающего персонала. На девушке было черное платье, очень

коротенькое, с белым кружевным воротничком, таким же чепчиком и фартучком. Юноша надел черные брюки с красными лампасами, белый френч с золотыми пуговицами и плетеным погоном из красного шелка, напаялил на курчавые волосы что-то похожее на тубетейку с золотой бархоткой на нити. Разойдясь, они встретились в комнате уборщиков, из которой были выходы в мужской и женский туалеты.

За углом здания стоял «Мерседес» представительского класса с тонированными стеклами. К машине подошли двое мужчин в одежде, соответствующей мероприятию, но не соответствующей их простоватой внешности. Окошко заднего сиденья немного приоткрылось, в образовавшейся щели появился белый конверт. Один из мужчин взял его, окошко закрылось.

К входу подъезжали дорогие машины, из которых выходили гости. Тут же мелькали вспышки фотоаппаратов и начинали работать видеокамеры. Бомонд столицы съезжался на вечеринку. Банкиры с женами, владельцы крупных предприятий, знатные особы, имена многих никому не были известны, олигархи – все, кроме поп-звезд и нынешних светских львиц щенячьего возраста. Медийных артистов также не пригласили на торжественный вечер, блеска и без них хватало.

Возле «Мерседеса» остановился знакомый нам лимузин. Из него вышел мужчина в белом плаще, под которым были свернутые в рулоны картины, быстро снял свой плащ, положил его в автоматически открывшийся багажник и вернулся на место.

Спустя несколько минут лимузин остановился у ковровой дорожки. Покинувший его джентльмен с тростью зашагал по лестнице к дверям. Женщина в черном, похоже, ждала именно его, но он ее не заметил. Она пошла следом, отставая на две ступени. Их, конечно, фотографировали, но одновременно по лестнице поднимались и другие гости. В частности, те двое, прибывшие в синем фургоне. Один худой, рослый, немного сутуловатый, с орлиным носом. Другой – уже немолодой, среднего роста, коренастый. Все на входе предъявляли пригласительные билеты. Свои пригласительные худой и коренастый достали из конверта, полученного из окошка «Мерседеса».

В фойе перед входом в зал собирался народ. Места хватало всем, даже телевизионщикам с их громоздкой аппаратурой. Мужчины в основной своей массе были людьми немолодыми и мало чем отличались друг от друга, учитывая стандартную для таких приемов одежду. Главным зрелищем были женщины. Именно они демонстрировали статус семьи. Несведущий человек, попавший в эти стены, мог подумать, будто попал на конкурс красоты. Глаза разбегались! Одна другой лучше, о нарядах и говорить не приходилось, но главное – украшения. Блеск драгоценностей слепил глаза. На шеях, запястьях, пальцах, в ушах такие бриллианты, рубины, изумруды! – Алмазный фонд позавидует.

Долговязый и коренастый встали в сторонке, чтобы не попадать под объективы видеокамер и фотоаппаратов.

– Если они пожертвуют свои побрякушки третьим странам, бедных на Земле больше не будет, – ухмыляясь, сказал долговязый.

– Ты прав, Игумен. Но я о другом подумал. На каждый камешек есть свой телохранитель. Да и ментуры здесь не меньше, чем на вечере, посвященном Дню милиции. Если Дербень и появится в этом рассаднике, рисковать не станет.

– О чем ты говоришь, Гаврилыч? Его фургон уже въехал на подземную парковку. Он где-то здесь, не сомневайся. А если так, то обязательно сработает. Такие люди на смотрины не ходят и попусту времени не тратят.

К ним подошел официант с шампанским. Они взяли по бокалу, но тот продолжал стоять на месте.

– Ах, да! – спохватился Игумен и, достав из кармана конверт, положил его на поднос. – Извините.

Официант удалился.

– Между прочим, – заметил Гаврилыч, – пригласительный билетик каждому из этих толстосумов обошелся в пятьдесят тысяч долларов.

– Для них это не деньги. Смотри, как разряжены их «елочки».

Они заметили, что официант, поставив свой поднос, направился к выходу. Добравшись до «Мерседеса» с тонированными окнами, все еще стоявшего на месте, он просунул конверт в приоткрывшееся окно заднего сиденья. Машина тут же уехала.

Минут через десять в зал вошла пара, к которой тут же было приковано внимание всех присутствующих. Мужчина ничем особым не отличался, разве что острой бородкой клинышком и пышными усами, будто пожаловал из девятнадцатого века, но блондинка, годящаяся ему во внучки, была поразительно красива. Однако красоту ее затмевали украшения. Таких бриллиантов, составлявших ожерелье, сверкавших в серьгах и браслете, никто не мог и вообразить.

– Банкир Гурьев, – шепнул Гаврилыч Игумену на ухо. – Обалдеть можно! Обосрал всех с головы до ног.

– Дивные цапки. Ему этого прикола не простят. А баба кто?

– Его жена Анна.

– Откуда ты знаешь, Гаврилыч?

– У нас арендован сейф в его банке. Мы туда положили схему Дербеня. Кстати, глянь вправо, к стойке. Дербень объявился со своим прихвостнем. Успели переодеться. Козлы!

– Я же говорил, Дербень на смотрины не ходит. Точно сработает.

– Не верю! Видишь, за банкиром двое бугаев. Ни на шаг не отступают от камешков. Глянь в сторону лестницы. Сам полковник Кулешов пожаловал, а значит, здесь вся Петровка тусуется. Ни один наглец под носом у Кулешова на «скок» не пойдет. Все щели тут же перекроют, не дадут выйти.

– Не дадут, если объявят тревогу. Никто шумиху поднимать не станет. Скандала многие хотят, но его не допустят. Ленточку отеля министры разрезали, а это уже политика, престиж страны.

Гаврилыч почесал чисто выбритый подбородок.

– Он может уйти через гараж, раз сумел через него войти. Если появился здесь, в фойе, значит, у него есть пропуск с желтой полоской. После третьего звонка желтополосных репортеров в зал не пустят, все они пойдут к лифтам и спустятся на стоянку к своим машинам. С толпой уйдет.

– Да. Если кража не обнаружится. Но не заметить исчезновение таких побрякушек невозможно.

Гаврилыч продолжал гладить подбородок.

– Если Дербень сработает, ему надо памятник ставить, а не убирать. Криминальный мир России потеряет гения.

– Если мы его не уберем, Гаврилыч, он нам не даст воспользоваться своей схемой. Раз он вернулся в Москву, то обнаружит пропажу схемы. Не сегодня, так завтра. Ты прав. Дербень – гений, а потому и нас в два счета вычислит. Мы не можем этого позволить. Другого такого шанса у нас не будет.

– Вот что, Игумен, мы не должны спускать глаз с Дербеня. Я хочу понять его маневр, иначе остаток жизни буду мучиться догадками.

– Может, наша благотельница в курсе. Она уже появилась. Кружком стоят. К Анне теперь все липнут.

– Что, в лоб спросишь?

– Есть способ.

Игумен направился к одному из баров. Официант только что поставил поднос с пустыми бокалами на стойку и взял такой же с полными. Отойти ему не дал подоспевший джентльмен в смокинге:

– Притормози, приятель. Хочу разыграть одну дамочку. Дай-ка мне свой френч с погонами и поднос. Через минуту верну.

Игумен остановился. Тот же фокус у соседней стойки проделывал сообщник Дербеня Иван, будто успел прочесть его мысли. Дербень, он же Всеволод Николаевич Дербенев, известный вор и аферист, уже давно легализовался и теперь владел тремя крупными антикварными магазинами и жил так, будто владеет биржами на Пятой авеню в Нью-Йорке. За ним охотились все существующие органы правопорядка, а он ни от кого не прятался и продолжал проворачивать свои делишки и насмехаться над законом. Делишки! Это для Дербеня они были делишками, для Игумена одной аферы Дербенева хватило бы на всю оставшуюся жизнь. И сейчас у него имелся шанс воспользоваться планом конкурента, но для этого надо было убрать с дороги гения криминального мира. Иван надел куртку официанта, взял поднос с пустыми бокалами, поставил на него один полный и отправился к компании, в которой стояла красавица, усыпанная бриллиантами. Он подошел к ней чуть сбоку и протянул поднос. Игумену показалось, что он что-то шепнул. Она, не оборачиваясь, взяла с подноса единственный полный бокал и продолжила светскую беседу.

Иван вернулся к бару и переоделся. Повторять фокус Игумен не стал, направился к той же компании при полном параде. Но бриллиантовая фея его не интересовала, он остановился возле другой женщины, не такой молодой, но тоже стройной и красивой. Наклонившись, поднял с пола свой собственный платок и обратился к даме:

– Кажется, вы обронили.

Она повернулась к нему.

– Дербень здесь, готовится к прыжку.

– Упустите. Ждать его надо у норы на выезде, – тихо сказала дама и громко добавила:

– Спасибо. Вы очень любезны.

Игумен вернулся к своему напарнику.

– Предложено ждать его на выезде.

– Успеем. Я хочу понять его маневр. Так. И куда он направился?

– Там лестница, ведущая в туалеты, – пояснил Игумен. – Гениально! Понял! Он подсыпал девчонке мочегонного и будет поджидать ее в сортире. Наверняка женский и мужской связаны переходом. Там располагается комната уборщиков.

– Чушь! В женском туалете полно баб! – возразил Игумен. – Они же визжать начнут при виде мужика. Ты чего, Гаврилыч, наших баб не знаешь?

– Среди уборщиц должна быть женщина. Она на него работает. Идем вниз, глянем.

– Ты хочешь, чтобы Дербень нас заметил?

– Какое это имеет значение? Он даже не подозревает, что мы украли у него схему. И все равно не доживет до утра.

Туалетные комнаты левого крыла как магнит притягивали всех заинтересованных лиц, кроме одного. Двойник Константина, джентльмен с тростью, сразу же прошел в еще пустой зрительный зал и занял место, не соответствующее билету, – в шестом ряду партера. Этот ряд был резервным, для особых персон, которые могли появиться неожиданно. В зале, вместе с бельэтажем и балконами, вмещавшем полторы тысячи зрителей, пока находилось не более десятка человек.

Когда Дербенев со своим подручным спускались по лестнице к туалетным комнатам, Иван передал ему конверт. Зная, что за ними следят, здесь они могли не опасаться. Только на этом коротком марше лестницы не было ни одной камеры видеонаблюдения.

– Чисто сработал, – усмехнулся Дербень.

- Работа такая, – холодно ответил Иван.
- А если заметит?
- Навряд ли. До банкетного зала не дойдут, не до того будет.
- Не гадайвай. Вопрос еще не решен.

Они спустились вниз и оказались в просторном помещении с мраморным полом, зеркалами, золочеными канделябрами и глазками видеокамер. С левой стороны была дверь в мужскую комнату, с правой – в женскую. Вдоль стен удобные кресла и столики с пепельницами. Оба присели и закурили, наблюдая за чопорной публикой, идущей в обычный сортир, как на прием к английской королеве.

Через несколько минут вниз спустилась Юлия Баскакова. Приятная во всех отношениях дама, жена самого уважаемого коллекционера и галерейщика столицы, неторопливо прошла в женскую комнату. Следом появились Игумен и Гаврилыч, они не ожидали увидеть здесь объекты своего наблюдения, развернулись и пошли назад, к лестнице. Дербень с Иваном были заняты беседой.

– Другого случая у них не будет, – прошептал Гаврилыч, – тут все понятно. Надо ждать на выезде с парковки, иначе упустим.

Игумен согласился.

Поднявшись в зал, они увидели Анну Гурьеву, направляющуюся им навстречу в сопровождении двух телохранителей.

– Жаль бабенку, обратно вернется с голой шеей, – прокомментировал Игумен.

Конечно же, Дербенев с сообщником видели своих конкурентов, но сегодня изображали из себя слепых ротозеев, которые ничего не понимали и ни о чем не догадывались. Когда в дамскую комнату вошла брюнетка в черном платье и в дымчатых очках, они встали и вошли в дверь напротив. В холле было немало народу – люди курили, шумно переговаривались, смеялись. Затишье воцарилось на несколько секунд, когда появилась Анна. Ее грудь закрывала бриллиантовая стена с тысячами лучей, слепивших глаза. Никто не замечал ее красивого лица и того, что выражали ее глаза. Дамочка уже накачалась шампанским либо кокаином, который сейчас был моден в ее кругах. Прозвенел второй звонок. Окурки полетели в пепельницы, все начали расходиться. Скоро холл опустел, и только двое телохранителей остались сидеть в креслах, поджидая свою алмазную хозяйку.

В туалетной комнате Анна подошла к зеркалу, достала помаду и глянула на свое отражение.

– Резко начала, деточка, – сказала стоящая рядом Баскакова. – Не забывай, впереди еще банкет, а ты уже никакая.

– Надо проблеваться, – ответила красавица хриловатым голосом. Казалось, грубое слово произнес кто-то другой, так оно не подходило к ее внешности.

– Бриллианты не урони в унитаз, – хмыкнула Юлия.

– Хорошая мысль. На скаковых лошадок хомуты не вешают.

Подкрасив губы, Анна взяла свою сумочку и направилась к кабинке с приоткрытой дверью. Она села на унитаз и замерла. Кабинки между собой были перегороджены матовым стеклом, и не сплошным. От пола до перегородки оставалось сантиметров сорок. Справа выкатилась монета. Анна наступила на нее ногой и прижала к полу. Убрав туфельку, увидела портрет Елизаветы II. Она сняла с себя серьги, ожерелье, браслет, положила их на пол, после чего ногой задвинула в соседнюю кабинку. Ей стало легче, будто ее освободили от оков. Анна подняла монетку и положила в маленький карманчик платья, достала из сумочки фляжку из желтого металла, открыла ее и начала пить, морщась от неприятного вкуса.

В кабинке справа находилась брюнетка в черном платье. Она подняла с пола бриллианты, сняла с них сигнальные чипы и жвачкой прикрепила их к бачку унитаза, а на замки украшений приладила новые чипы, работающие на других частотах. Затем вынула из

сумочки скомканные листы бумаги и бросила их в унитаз, а на их место положила драгоценности. Сумочка приобрела ту же форму, но потяжелела на вес украшений.

Брюнетка вышла из кабинки и направилась к двери.

За две минуты до нее из мужского туалета вышли Дербенев и Иван. Прозвучал третий, последний, звонок. Они поднялись в фойе. Дербенев направился в зал. Пригласительный билет был в конверте, переданном ему Иваном. Он сумел выкрасть его у мужа Анны, когда подносил шампанское. Сева Дербенев устроился в шестом, резервном, ряду, зная, что здесь его никто не побеспокоит. Если сесть на место, указанное в билете, сразу станет ясно, кто украл приглашение у истинного владельца. Кроме Дербеня, в шестом ряду сидел лишь один человек – солидный тип с тростью. Вскоре к ним присоединилась женщина в дымчатых очках. Зал постепенно заполнялся гостями. Погасли люстры, зажглись прожектора.

У лифтов, ведущих в подземную парковку, собрались журналисты и операторы, не имеющие допуска в концертный зал. Перед допуском в кабину все предъявляли свои пропуска. Иван тоже предъявил и вошел в лифт. Он единственный был в смокинге, остальные выглядели скромнее, и он единственный вышел на парковке верхнего уровня, другие поехали ниже.

Подойдя к синему фургону, припаркованному рядом с выездом, он махнул рукой сторожу, сидящему в будке. Тот поднял шлагбаум. Иван тем временем открыл задние дверцы, запертые на щеколду. В железном салоне сидели трое мужчин в униформе – синих комбинезонах с надписями на груди и спине, лежала какая-то аппаратура и рюкзаки.

– Хозяин, долго еще? Мы едва не задохнулись. Тут же душегубка.

– Все, можно ехать. Дергач сядет за руль, а Фома и Родька остаются здесь. Потерпите, недолго осталось. Вас уже ждут. И не потеряйте часы, их вам еще не подарили. Скоро увидимся.

Дергач выпрыгнул из салона, и Иван вновь запер дверь на щеколду. Фургон, выехав из ряда, повернул к выезду.

Иван подошел к сторожу.

– Ну что?

– Они уже поджидают у выезда. У них джип «Ленд Крузер». Угнали небось.

– Игумен все делает через жопу. На что можно рассчитывать с его мозгами?! Ладно, я ухожу, а тебе придется еще побеседовать с опером. Минут через двадцать начнется облава.

– А как же Сева?

– Сева будет пить шампанское с миллионерами, и я к нему присоединюсь. А ты займись ненужными свидетелями.

Иван отправился к лифтам. Отойдя на метр, оглянулся и спросил:

– А где настоящий сторож?

– Спит у пожарного щитка в песочке. До утра не очухается.

Что же произошло? Фургон приехал с шестью пассажирами. Дербень и Иван ушли в зал. Шофер Валерий Воронов, входивший в команду Дербенева, остался, остались и трое в кузове, которые были случайными людьми. Их наняли для определенной работы. Воронов заменил сторожа. Настоящего, которому подсыпали снотворного в кофе. Так что все главные действующие лица остались в отеле, а фургон уехал с подменой. Но Игумен и Гаврилыч об этом знать не могли.

Когда синий фургон выехал из ворот подземной парковки и свернул на центральную аллею, Игумен приказал:

– Поехали.

– Надо держать дистанцию. Эти жуки слишком хитры, – пробормотал Гаврилыч, сидевший за рулем.

– Точно. Дербеня еще никто не смог обвести вокруг пальца.

– Кроме нас, – усмехнулся напарник. – Если только план сработает.
– Должен сработать. Такой шанс дается раз в сто лет, если промахнемся, я уйду в монастырь.

– Ага. Оправдывать свою погоняю. Станешь настоящим игуменом. Правильно. За всех нас, грешных, помолишься, а то нам все некогда. Совсем Бога забыли в земных вертепах. – Они свернули на юг.

– Держи дистанцию, Гаврилыч. Почему в кабине только один? Ты видел, кто?

– Нет. Темно. Я думаю, шофер их ждал на парковке, а Дербень с Шатиловым сидят в «банке». Не хотят светиться. Он всю жизнь осторожничает.

– Ты уверен, что мы сели на хвост кому надо? А если Дербень опять хитрит?

– Не занудствуй. Это их машина. Она стояла в гараже у Вальки. Они целую неделю ее красили и клеили рекламные плакаты на кузов. Черпак с них глаз не сводил. Снюхался с продавщицей из сельпо и жил у нее целую неделю, а Валька, трепло, все продавщице выкладывала. Машину мы перепутать не могли, они на ней сюда приехали. Где им взять другую?

– Ты прав, – согласился Игумен.

– А потом, мы ничего делать не будем, пока они не прибудут на точку. Накроем их на месте. Видишь, они к Варшавке едут. Значит, мы рассчитали все правильно. У Вальки в деревне их поджидают Черпак и Бориска, а мы зажмем их с тыла. Никуда от нас не денутся. Ивана и шофера ликвидируем тут же, а Дербеня придется тряхнуть как следует перед отправкой в царствие небесное. В схеме, что мы у него изъяли, много непонятного. Пока не расколется, трогать его нельзя.

– Я сам лично всажу ему пулю в лоб! Гад! Всю жизнь мне дорогу переходил.

– Не злобствуй, Игумен. Мозгов Бог тебе не дал, пользуйся тем, что есть. Зависть – дело последнее. Не жил бы на белом свете Дербень, ты не получил бы своего шанса. Его план прост и гениален. Мы получим его на халяву. Пристрелишь Дербеня – свечку не забудь ему поставить в своем монастыре, куда собрался.

Синий фургон проехал окружную дорогу и устремился по Варшавскому шоссе в сторону Подольска. На четвертом километре машина свернула налево. Эта перемилька связывала Бутово с Расторгуевым – десять километров узкой извилистой дороги в два ряда, где в темное время суток опасно идти на обгон. Шоссе не освещалось, и приходилось включать дальний свет.

– Соблюдай дистанцию, Гаврилыч. Мы знаем, куда они едут, сидеть на хвосте не обязательно. Машин нет, мы одни. Дербень может заподозрить неладное.

– Я уже отпустил их метров на триста и дальний не включал. По их габаритам ориентируюсь. Луна выручает...

Он не договорил. Произошло что-то невероятное. Сначала появились яркие ослепляющие фары встречной машины, потом завизжали тормоза. Фары сдвинулись на сорок пять градусов и осветили лес. Огромная цистерна-прицеп юзом пошла вперед, преградила дорогу, и синий фургон, идущий впереди, врезался в опрокинувшуюся цистерну. Раздался взрыв. Фургон подбросило вверх, он вспыхнул как факел, цистерну также подбросило, раздался второй взрыв, осветивший всю округу алым заревом.

Гаврилыч ударил по тормозам. Машина преследователей застыла на месте. Они не могли проронить ни слова и лишь наблюдали за пожарищем открыв рты.

Первым пришел в себя Гаврилыч:

– Бензовоз!

– Уносим ноги, старик. Возьмут за жопу, у нас полный багажник оружия.

– Кто их так?!

– Разворачивайся, дубина. Пламя из Москвы видно.

Гаврилыч резко развернул руль. Игумен достал мобильный телефон:

– Черпак, слушай меня внимательно. Гости не приедут. Вычисти базу, и уходите с Бориской. Встретимся в гнездышке завтра утром. Все, отбой.

Банда Игумена насчитывала пять человек. Гаврилыч как самый опытный играл роль мозгового центра. Черпак был обычным головорезом, на его счету покойничков хватало. Что касается Бориски и Синего, то эти ребята, хваткие и ловкие, не имели должного опыта. Ни один уважающий себя вор с такой командой на дело не пойдет и с Игуменом связываться не станет. Но Игумен получил гениальный план и узнал то, чего не знали другие. Отошедший от дел старый вор Гаврилыч согласился принять участие в операции, и то лишь на условиях, что он будет ее готовить. Что касается остальных, то их дело – четко выполнять инструкции и не разевать рот.

4

Анну Гурьеву обнаружили в туалете в бессознательном состоянии телохранители, когда весь народ уже сидел в зале и началась торжественная часть, посвященная открытию грандиозного отеля. Они терпеливо ждали хозяйку двадцать две минуты. Возможно, ворвались бы в дамскую комнату раньше, но сканер показывал на дисплее – бриллианты на месте. Микродатчики, установленные на застежках ожерелья и браслета, подавали четкий сигнал и не вызывали тревоги. Но на Анне бриллиантов не обнаружили, а чипы нашли за бачком, прикрепленными к нему жвачкой. Скандал исключался, тревогу объявлять было нельзя. Следствие велось скрытно, и сыщики, выряженные в смокинги и бабочки, выглядели необычно. Группу опытных оперативников и сыскарей из Главного управления внутренних дел возглавлял полковник Кулешов, за спиной которого были сотни раскрытых дел любой степени сложности. К сожалению, российские сыщики не имели тех технологий, которыми пользуются их западные коллеги, во многом работали по старинке. Вора можно вычислить по анализам ДНК. Ведь он прикрепил чипы на жвачку, а та была у него во рту. С чьим ДНК сравнивать полученные результаты – вопрос второй, важно иметь образец. Но ни у одного из сыщиков даже мысли похожей не возникло. Допросили уборщиков туалетов, мужа Анны, телохранителей и, наконец, саму Анну, которая неожиданно потеряла сознание, находясь в кабинке туалета, и ничего не помнила. К расследованию подключили присутствующего на вечере репортера светской хроники Вениамина Скуратова. Скуратов ни у кого не пользовался большим уважением, о его темных делишках на Петровке хорошо знали. Однако в сложившейся ситуации он был незаменим. Вениа знал о столичном бомонде больше других, собирая досье на сильных мира сего, имел компромат на светских дам, их любовников и мужей, их секретарш и даже о карточных долгах. Скуратов жил шантажом и грязными уловками, но он числился стукачом в управлении и оказал немало услуг управлению по экономическим преступлениям и консультировал многих начальников оперативных отделов. К тому же полковник Кулешов понимал, что если не привлечь Скуратова на свою сторону, его используют те, кого он намерен выловить. Скуратов свидетель, и он такого шанса не упустит. Речь шла о грандиозном скандале, сенсационной бомбе, взрыв которой надо предотвратить любыми средствами. На первом этапе сыщики сделали один вывод. В грабеже участвовали персоны из высшего света столицы. Посадить в лужу банкира Гурьева, который решил выпендриться, вырядив свою жену в бриллианты как новогоднюю елку, мог любой, а желали все без исключения. Эта версия не вызывала сомнений, а потому без Вени Скуратова тут не обойтись.

После того как команда сыщиков, выряженная в светскую одежду, покинув туалетную комнату и предбанник, отправилась просматривать пленки видеонаблюдений, уборщики тоже ушли. Юноша и девушка поднялись на лифте в главный вестибюль, перешли через зал, на другом лифте поднялись на служебный этаж, прошли в раздевалку и скинули с себя униформу. На столе стоял небольшой рюкзачок. Девушка заглянула в него.

– Хорошее подношение за безделье.

Она вынула из рюкзака пачку стодолларовых купюр. Ее напарник мыл голову под краном, в раковину стекала черная вода, а кудряшки выпрямлялись. Вытираясь полотенцем, он глянул на деньги.

– Фантики, Уличка! Мы получим настоящие. Надо поторопиться, не дай бог о нас вспомнят.

Девушка бросила пачку в рюкзак и сняла с головы парик с русой косой. На деле она оказалась рыженькой с короткой стрижкой, но не менее очаровательной.

– Им даже бутылку шампанского на дорожку положили, чтобы не померли со скуки.

Свою униформу они сложили в тот же рюкзачок, переоделись в скромную одежду и ушли, захлопнув за собой дверь раздевалки.

Из отеля они вышли на улицу без всяких проблем и свернули в переулок, где их поджидала обычная «девятка». На заднем сиденье ютилась молодая парочка, очень похожая на тех уборщиков из отеля, а не на этих, отмытых и переодевшихся.

Уля открыла дверцу водителя и села за руль.

– Привет. Меня зовут Уля.

– Меня Витя, – представился курчавый брюнет.

– А я Ира, – сказала девушка с натуральной русой косой.

– Я знаю, мы ваши пропуска носили на груди. Мне велено отвезти вас на Курский вокзал.

– Отлично. Успеем на последнюю тульскую электричку.

Задняя дверца открылась, и светловолосый парень положил на колени Виктору рюкзак.

– Привет. Я Леха. Тут ваш гонорар, а униформу отдадите тому, кто вас встретит. Ваш благодетель на Деда Мороза смахивает, на дорожку даже шампанское положил.

– Он нас встречать будет? – спросил Виктор.

– Без понятия, ребята. Мы лишь посыльные.

Леха захлопнул дверцу, открыл багажник машины и достал из него другой рюкзачок.

Машина уехала, а Алексей вернулся к отелю. Возле центральной ковровой дорожки остались только охранники, бдительно осматривающиеся по сторонам. Парень спрятался за кустарником, присел на корточки, достал из рюкзака фотоаппарат с большим телеобъективом, штатив. Он ждал. Ждал, пока в дверях не появилась Анна и ее муж. Девушка едва держалась на ногах, банкир поддерживал ее за локоть. Алексей начал фотографировать. К лестнице подъехал «Мерседес».

Вступительная часть, концерт и показ мод закончились. Гости направились к специальному лифту, который должен был доставить их в банкетный зал. Только оттуда можно было попасть на жилые этажи, хотя лифтов было более чем достаточно и работали они нормально, но на день открытия главный менеджер отеля Эдди Нечаев позаботился о мерах безопасности, и на рельсы, по которым скользит кабина, поставили ограничительные «башмаки». Перепрыгнуть невозможно. Вот и приходилось менять лифты, как электрички в метро при пересадке.

Из лифтов гости попадали в мраморно-зеркальный зал. Первыми пропустили десяток журналистов, имеющих на пропуске красную полосу. Этим господам из самых престижных мировых изданий разрешалось присутствовать на банкете во время первого тоста, после чего им следовало покинуть собрание, оставить великосветских персон напиваться до поросячьего визга без свидетелей.

Женщина в черном платье и дымчатых очках, выйдя из лифта, направилась туда, где находилась одна-единственная дверь. Она нажала на кнопку звонка, щелкнул замок, и дверь открылась. Дама попала в богато обставленный кабинет, где на стенах висели мониторы – шла трансляция из банкетного зала. Из-за огромного письменного стола поднялся высокий элегантный мужчина лет сорока и, улыбаясь, направился к госте.

– Рад тебя видеть, дорогая.

Он поцеловал ей руку.

– Налей мне водки. Надо снять напряжение.

Сдернув на ходу парик, дама встряхнула шикарную копну рыжих волос, взяла рюмку и выпила ее залпом.

– Позови меня, когда выгонят крючкотворов и щелкоперов.

Он понял, что она говорила о журналистах, кивнул и направился к двери.

Брюнетка, ставшая рыжеволосой, подошла к встроенному шкафу и сдвинула зеркальную створку в сторону. Рядом с мужскими костюмами здесь висело одно-единственное женское платье темно-зеленого цвета на тоненьких бретельках. Она достала его, закрыла дверцу и, глядя в зеркало, приложила наряд к груди. К светлым зеленым глазам платье подходило идеально. На красивом лице появилась саркастическая улыбка.

Тем временем в деревне Свиблово люди готовились ко сну. Тишину нарушал лишь беспорядочный лай собак с разных концов одной-единственной улицы. В крайней избе у самого оврага женщина лет сорока сидела на кровати и мяла в руке носовой платок, изредка смахивая им слезы с бледных щек и боязливо поглядывая на парня, держащего в руках пистолет с глушителем. Они молчали. Парень тоже заметно нервничал. На убийцу он не походил, скорее, на студента, да и пистолет в его музыкальных руках с тонкими длинными пальцами не выглядел смертельным оружием. В комнату вошел здоровяк – полная противоположность этому парню.

– Рано мы засветились, Бориска. Дербень не приедет. Кто-то нас опередил.

– Как?

– Не знаю. Игумен велел сваливать.

– Ты чего раскудахтался? Все имена назвать хочешь? – Бориска кивнул на женщину.

– Она нам больше не нужна. Зря мы в дом заходили. Ждать надо было снаружи, и она ни о чем бы не догадалась, а теперь поздно рассуждать.

– Я вас не видела, – прохрипела женщина.

– Это ты сейчас так думаешь. Менты к стенке прижмут – все вспомнишь.

Здоровяк подошел к приятелю, взял у него пистолет и выстрелил не целясь. Пуля попала женщине в грудь. Она вскочила, сделала два шага, но вторая пуля уложила ее на пол.

– Сволочь ты, Черпак! Что она тебе сделала?

– Заткни пасть, щенок! Она свидетель. Уходим.

– Тогда и Зинку-продащицу пришей. Ты у нее целую неделю жил. Она тебе про Вальку и ее хахалю все рассказала.

– Зинка на нас еще поработает. Вставай, пошли.

Бориска с тоской посмотрел на мертвое тело и направился к двери следом за сообщником.

Пока одни люди веселились на банкете, другие гибли. В двух километрах от Варшавского шоссе взорвался бензовоз и фургон. В фургоне заживо сгорели три человека, через сорок пять минут была застрелена женщина в собственном доме, которая ничего не знала о грандиозном банкете.

Скромная «девятка» подъехала к Курскому вокзалу. Уля остановила машину и оглянулась.

– Ну все, ребята, удачи вам.

Парень, сидящий за ее спиной, спросил:

– Вы же на нас совсем не похожи. На пропусках наши фотографии. Как же вы могли свободно передвигаться по отелю?

Ульяна засмеялась.

– Ну кто же будет присматриваться? Максимум, что могут разглядеть, так это русую косу или курчавую черную голову, а молодость всегда молодость. У меня был паричок, а Леша покрасил волосы смывающейся краской и завил их щипцами. Пусть вас такие мелочи не тревожат. Вы заработали хорошие деньги. В Серпухове вас никто не найдет. В ваших личных карточках указаны несуществующие московские адреса. И в честь успеха выпейте настоящего французского шампанского. Хозяин вам положил в рюкзак, на дорожку. Спасибо и удачи.

Пассажиры вышли из машины и направились к пригородным кассам.

Банкет в новом отеле набирал силу. В зале появился главный распорядитель Эдди Нечаев, сам же владелец отеля Рашид Мамедов и его неотлучная секретарша Люси Каплан стояли в сторонке и ни с кем не общались. Нечаев провозгласил первый тост за процветание. С возгласом «Ура!» все подняли бокалы.

Рядом с банкирами Фельдманом и Шпаликовым оказались Дербенев и Иван Шатилов. Банкиров знали все, а Дербенева и его партнера – никто. Они оказались рядом вовремя, в это время возле крутились фоторепортеры «Глоб» и «Таймс».

– А где же ваш руководитель, Панкрат Антоныч? – спросил Дербенев Шпаликова.

Шпаликов решил, что перед ним один из клиентов их банка, если обращается к нему по имени-отчеству.

– Мы в не меньшей растерянности, чем вы, – пожал плечами Шпаликов. – Мы видели его только в фойе.

– Да. Незабываемое зрелище. Анна должна стать королевой бала. Ее бриллианты ослепили всех, и вдруг она исчезает.

– Мы также удивлены.

– Несмотря на глубокий кризис, ваш банк процветает, если его председатель готов тратить миллионы на украшения для жены.

Шпаликов как-то не подумал о такой реакции вкладчиков на бриллианты Анны. Фельдман тоже наострил уши. Банкиры переглянулись.

– Да, вы правы. Наш банк устоял и выдержал ураганный ветер кризиса, – с некоторой снисходительностью заметил Фельдман.

В этот момент все четверо попали в объективы и были увековечены репортерами глянцевого издания.

Фельдман хотел было продолжить свою мысль, но, оглянувшись, не увидел рядом с собой любопытных собеседников. Среди гостей не было видно и двойника греческого магната Константинеса. Он поднялся в банкетный зал на минуту, да и то без парика и усов. Рядом с лифтом стояла тумба, на ней ваза с цветами, под вазой лежал электронный ключ от номера леди Кэмирон. Он его сумел забрать, не привлекая к себе внимания. Этот человек имел талант факира и часто демонстрировал его зрителям под псевдонимом Валентин Валентино. В Москве о нем пока никто не слышал. Ему был предложен выгодный контракт за несложную работу, где он мог проявить свой талант в полной мере. Валентин Валентино обладал искусством гипноза и многими другими способностями, содействующими операции, задуманной его нанимателями. От таких предложений не отказываются.

В облике Константинеса он вернулся на восьмой этаж, где жили самые почетные гости, и навестил настоящего Константинеса, а затем леди Кэмирон. Визит вежливости, не более того. И тот и другая тихо спали. Валентино вернул хозяину смокинг, а женщине – ключ от ее номера. И тихо ушел. Из отеля он вышел без грима. Его поджидала машина, обычный «Форд-Фокус», за рулем сидел тот же человек, который катал его на лимузине.

– Кажется, моя миссия на сегодня закончена, – садясь в машину, сказал фокусник с облегчением.

– Не торопитесь, любезный маг. Нам придется дежурить до утра. Быть на страже, что называется. Тут столько нюансов, всякое может случиться. Мы можем посидеть в хорошем ночном ресторанчике, чтобы скоротать время.

– Вполне приемлемая идея, я проголодался. На банкете успел лишь облизнуться.

– Наверстаем. Кухня в ресторане отменная.

С банкета исчез двойник Константинеса, но не та очаровательная брюнетка, в одночасье превратившаяся в рыжую. Она уже переделалась в зеленое платье, достала из сумочки бриллиантовые украшения и надела их на себя. Трудно сказать, кому они шли больше – Анне или этой даме. Каждая из них была хороша по-своему, а такие «побрякушки» любую

женщину могут сделать царицей. Дама налила себе водки, закурила сигарету и встала перед мониторами, наблюдая за происходящим на банкете.

Наконец журналистов попросили покинуть зал, и те неохотно направились к лифтам. Многие из гостей не желали попадать в объективы, афишировать свои связи и потому в присутствии журналистов держались особняком, но теперь можно было чувствовать себя вполне раскованно. После ухода репортеров публика оживилась, заиграл оркестр и некоторые пары решили потанцевать.

Рыжая дама заметила сигнал, поданный ей из зала Эдди Нечаевым, тем самым устроителем вечера и хозяином кабинета, в котором она находилась. Дама допила свою водку, затушила окурочек и вышла из кабинета, накинув на плечи шаль в тон платья. Рыжеволосая красавица скинула ее, лишь взяв с подноса бокал шампанского. Присутствующие оторопели. Алину Малахову, жену лучшего российского ювелира, знали все, и даже иностранные гости. Она несколько лет была представителем всемирно известной фирмы по продаже драгоценных камней «Де Бирс» в торговых домах Лондона и Парижа. К этому следует добавить, что иностранные гости не присутствовали в фойе, где произошла кража века. Соотечественники отнеслись к увиденному по-разному. Но как бы кто ни отнесся к появлению Алины с таким украшением, все должно остаться в стенах, куда допуск получали избранные. В свете не принято выносить сор из избы.

Алина не успела допить свой бокал, как к ней подошел мужчина лет пятидесяти со смуглой кожей. Несмотря на европейский облик, в нем угадывалась арабская кровь.

– Вы позволите пригласить вас на тур вальса?

– Разумеется, – ответила красавица.

Они вышли на площадку и закружились в танце.

– Что скажете, ваша светлость? – спросила дама.

– Шедевр. Это то, что удовлетворит требование принцессы и принца. Во всяком случае, он будет спасен от неминуемой гибели.

– Вот видите. Бриллианты способны не только убивать, но и спасать жизни хорошим людям.

– Абу Фат-младший прибудет в Москву через неделю. Вас эти сроки устраивают? Через полмесяца его свадьба.

– Я помню, уважаемый Мухамед бен Талал. Моя фирма не подводит своих клиентов.

Танец закончился, и дама попала в руки другого партнера. Теперь Алина танцевала с банкиром Фельдманом.

– Могу я задать вам нескромный вопрос, Алина Борисовна?

– Конечно, Саул Яковлевич. Банкиры скромных вопросов не задают.

– Мы знаем о существовании гарнитура «Око света». Ожерелье, серьги, браслет. Его сделал ваш муж, и гарнитур был выставлен в вашем салоне. Его многие видели. Сейчас я его вижу на вас. 224 камня в ожерелье, 72 в браслете плюс серьги. Кажется, уникальный гарнитур весит полторы тысячи карат.

– Больше. Зачем вам эта арифметика?

– Два часа назад этот гарнитур был на Анне Гурьевой. Она куда-то исчезла вместе с мужем, а наряд оказался на вас. Как такое возможно?

– Очень просто. Анна перепила, и муж отвез ее домой. Но гарнитур хотели увидеть многие, и я продолжила его демонстрацию. Исполняю роль манекена.

– Это понятно. Значит он ваш. Мы же не дети и понимаем, что такой товар не делают на продажу, а выполняют на заказ. Вы не смогли бы купить такое количество бриллиантов на свои средства. Мы, банкиры, знаем, кто каким капиталом владеет. Но Гурьев не мог заказать вам подобный гарнитур. Он на грани банкротства...

– Не он, а ваш банк, господин Фельдман. Это разные вещи.

– Гурьев воспользовался случаем и взял деньги из банка. Бессрочный, беспроцентный кредит, который не хочет возвращать. Сто миллионов. Банк едва держится на плаву, а Гурьев жирует, покупая новые акции за проценты вместо того, чтобы гасить кредит.

– Он председатель. Вы сами его выбрали. Не пускайте слюни, убейте его и успокойтесь.

– Тогда мы не вернем свои деньги. С трупа ничего не возьмешь. Я думаю, гарнитур он взял у вас напрокат. Хороший маркетинговый ход. Пустил вкладчикам пыль в глаза. Но вы не могли доверить ему бриллианты без залога, а он ничего не мог вам предложить, кроме акций алмазных копий в Анголе, на что потратил банковские деньги.

– Допустим, что так. Эти акции сейчас стоят не сто миллионов, а на порядки больше.

– Но они именные. Вы ими не можете воспользоваться, а мы можем. Как правопреемники в случае его смерти. Он не погасил кредит, его имущество пойдет в счет погашения кредита.

– К чему вы клоните, Саул Яковлевич?

– Бриллианты на вас. Залог в ваших руках. Он вам не может вернуть бриллианты, которых у него нет, а вы не отдадите ему залог на законном основании. Мы же, в отличие от вас, можем реализовать акции. Разница пополам.

– Делите шкуру неубитого медведя? Какой вы предсказуемый, Фельдман. Я подумаю над вашим предложением, а вы держите язык за зубами. С вашими клыками лучше не связываться в драку. Разорвут!

Танец кончился, и Алина отошла в сторону. На нее с восхищением смотрела Юлия Баскакова.

– А ты мастерица шокировать публику, – улыбаясь, сказала галерейщица.

– С детства обожаю эффекты, – взяв бокал, улыбнулась Алина. – Взгляни на их лица. Они подышают от любопытства.

– Так удовлетвори несчастных.

– На всех у меня не хватит времени, придется исчезнуть так же внезапно, как и появилась. Того и гляди сыщики нагрянут к нам в гости.

– Тебя не смущает такое количество свидетелей?

– Ничуть. Их показания ничего не стоят.

– На случай неожиданности есть дежурная команда.

– Надеюсь, ничего экстраординарного не произойдет.

Оркестр заиграл медленный танец, и возле красавицы в бриллиантах как из-под земли выросла очередь поклонников, желающих пригласить ее на танец. Алина выбрала элегантного мужчину лет пятидесяти с красивым лицом, которое портили оспинки.

– Вы обворожительны, Алина Борисовна. Если Анну это ожерелье украшало, то с вами все наоборот. Вы придаете бриллиантам то, чего им не хватает.

– Чего же?

– Жизни. Они только камни.

– У адвокатов всегда ограничена фантазия, потому что они привыкли отталкиваться от фактов. От всего земного, а потому очень скучного. Анна плохо себя почувствовала и попросила меня приехать и заменить ее на банкете. Разумеется, ждать меня она не стала и уж тем более не доверила бы мне свои бриллианты. Я сняла это ожерелье с витрины своего салона. Стеклашки. Образец из алмазов Сваровски. Пользуюсь тем, что здесь нет специалистов.

– Феноменально! Однако я вижу представителей «Де Бирса». Уж они знают толк в бриллиантах.

– Я их тоже видела, но танцевать с ними не стану. А потом, они не говорят по-русски и вряд ли кто-то из наших матрон обратится к ним за консультацией. Они доверчивы как дети. Верят своим глазам и языкам. Будет о чем поболтать.

– Вы хотите, чтобы ваша версия сработала и пронеслась по сарафанному радио?

– Для того я и пошла с вами танцевать. Лучше вас, Гурген Варганович, никто не умеет пользоваться испорченным телефоном.

Алина недолго оставалась на банкете. Она исчезла так же незаметно, как и появилась. Попав в тот же самый кабинет, женщина в первую очередь изъала видеокассету с записью наблюдений за залом, а потом переделась. Из кабинета вышла брюнетка в дымчатых очках, строгом черном платье без всяких украшений и направилась к лифту.

5

Жертвы ограбления прибыли домой, как побитые псы. Всеми уважаемый банкир потерпел фиаско. Его жена, переступив порог дома, тут же протрезвела. К алкоголю она не прикоснулась, в отличие от мужа. Савелий Георгиевич Гурьев, сменив смокинг на домашнюю стеганую куртку, выпил стакан коньяка и начал прохаживаться по гостиной, заложив руки за спину.

– Ну, что ты молчишь? – спросил он жену.

– Я видела в туалете жену Саула Фельдмана.

Гурьев остановился.

– Ты думаешь, они знают о залоге? – Помолчав, он добавил: – С другой стороны, кроме Фельдмана и Шпаликова никто на такой скандал не пойдет. Представим себе на минутку – они знают о том, что я отдал Алине акции в качестве залога за прокат ожерелья. Шпаликову подчиняется вся служба безопасности банка. Там работают высококлассные профессионалы из разведки. Они вполне могли провернуть подобную операцию. Но никто, кроме Алины, не знал, что ты появишься на вечеринке в ожерелье...

– Брось, папочка! Не будь простаком. Ты берешь гарнитур за неделю до грандиозного события. Для чего? Для того, чтобы я в бриллиантах ходила в парикмахерскую? И младенцу все понятно. Профессионалы тут ни при чем. Анна знала о моей золотой фляжке. Я видела у нее такую же. Восхитилась. Показала ей свою, обычную, серебряную, она предложила съездить с ней в один антикварный магазин. Мы поехали, и там нашлась еще одна, которую я купила.

– Ну и что?

– А то, что в туалете менты нашли не мою фляжку. Ее подменили. На ней была гравировка, а на моей не было. На вечеринке я не раз выпускала сумочку из рук. У барной стойки, и в том же туалете... Фляжку нетрудно подменить. Анна Фельдман знает, что я всегда ношу с собой виски. Эта версия представляется мне самой реалистичной. И вспомни о гравировке. Там написано «Анне с любовью от Д.». Жена Фельдмана тоже Анна. Вторая версия касается твоей шлюхи. Я забыла дома сумочку. Почему? Потому что она не попалась мне на глаза. Я помню, что она лежала на трюмо, а потом исчезла. Значит, фляжку подменила Оксана, наша горничная. Вряд ли эта дура могла сама подсыпать отраву. Ей дали уже готовую фляжку и велели незаметно подменить.

– Глупости! Оксана меня не продаст! Она мне предана.

– Где-то ты очень умен, папочка, а в каких-то вещах наивен. Фельдман и Шпаликов могли перекупить твою шлюшку.

– Я слишком много для нее сделал.

– Жизнь дороже.

Анна вышла из комнаты и через минуту вернулась с газетой «Крымские новости».

– Почитай. Она на русском языке. Нашу горничную зовут не Оксана Мартычук, а Вероника Кутько. Она в розыске пятый год. Участница банды грабителей известного на Украине Левши. На их счету с десятков убийств. В том числе они чистили банки. Теперь она с чужим паспортом работает в Москве, обслуживает известного банкира Гурьева. Вероника единственная, кого еще не выловили. Остальные члены банды давно сидят за решеткой. В газете даже ее снимочек имеется.

– Где ты взяла эту газету?

– Не имеет значения.

– Почему молчала?

– Не хотела тебя расстраивать. Так вот, папочка, если я знаю такие подробности, то почему их не могут знать Фельдман и Шпаликов, которые давно уже метят на твоё место? Сам же говорил, что у твоих замов целый штат опытных сыщиков. Ты только представь себе, чем вся история может кончиться, если Оксана перейдет на сторону твоих врагов! Она работает на нас два года, ты с ней спишь и слишком много болтаешь. Она знает, что я твоя дочь, а не жена. А может, она знает гораздо больше? Тогда её газеткой не напугаешь. Анна сама возьмет тебя за жабры.

– Ладно, все, хватит о ней. Нет сомнений, что гарнитур украден по наводке банкиров. Цель их понятна. Теперь, имея бриллианты, они захотят обменять их на мои акции. Допустим, Алина отдаст им мои акции, чтобы вернуть свои бриллианты. Гарнитур сделан на заказ из камней заказчика, уникальных камней. Алина пойдет на любую сделку, чтобы вернуть свой шедевр. И это не преувеличение. Индийские бриллианты чистейшей воды староиндийской огранки. Таких в наше время не встретишь. Они отбирались столетиями не одним поколением шейхов. Мне даже страшно подумать о последствиях. Утеря шедевра равна взрыву атомной бомбы.

– Оставь в покое чужие проблемы, отец! Подумай о нас. На кой черт банкирам твои акции? Они же именные, никто, кроме тебя, их не может продать.

– В случае моей смерти мое имущество подлежит компенсации в пользу банка в счет неуплаченного кредита. Таким образом, банк становится официальным правопреемником акций и вправе их продать. Они заработают на них в пять раз больше. Кредит составляет сто миллионов, номинальная стоимость акций тоже сто миллионов. Но за год они выросли в цене в пять раз. И продолжают расти. Теперь ты понимаешь, что значит для них ожерелье?

– Так, минуточку. О каком имуществе идет речь? Ты все оформил на мое имя, тебе ничего не принадлежит. После этого мы с тобой официально развелись. Мы чужие люди. У меня банк ничего отнять не может.

– Мы развелись, чтобы не вскрылся подлог. В конце концов, я женат на своей дочери и у тебя два паспорта. Ты можешь жить как Анна Каземировна Гурьева, а можешь переехать в Питер и стать Ириной Савельевной Гурьевой, моей дочерью. До поры до времени такая маскировка была необходима, сейчас пропал смысл этого. Но акции остались в моей собственности. Они именные, банк может их конфисковать в качестве погашения кредита.

Анна встала, подошла к бару, налила себе виски и выпила полстакана залпом.

– Ты забыл, папочка, одну деталь. Чтобы продать твои акции, банкирам надо их получить. Это первое. А второе, им придется тебя убить, так как наследство делят после смерти.

– Они на грани разорения. Это первое, а второе – они хотят занять место председателя правления банком. Моя смерть принесет им заветное кресло председателя и восстановит денежный баланс. О чем можно говорить? Убить человека в наше время проще, чем плюнуть. Сотни головорезов и криминальных авторитетов хранят деньги в частных сейфах нашего банка. У Шпаликова на каждого владельца банковской ячейки есть детальное досье. И у Фельдмана тоже. Им ничего не стоит договориться с бандитами, и те сделают свое дело в лучшем виде. Комар носа не подточит.

– Идиот ты, папочка! Пора тебе гроб заказывать. Из такой ситуации выхода уже не найдешь.

– Не каркай, дура!

Гурьев выпил еще коньяку, сел в кресло и обхватил голову руками. Он думал, а жена-дочь закурила новую сигарету, поглядывая на папочку с легкой усмешкой. Она знала, какое решение он примет. Тут не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы предсказать его следующий ход. У него был только один вариант решения. И он его принял.

– Утром вызову к себе Лурье. Я официально перепишу все акции концерна на твоё имя. На имя дочери – Ирины Савельевны Гурьевой и тут же отправлю факс в Анголу и сообщу

концерну об изменении владельца, а диппочтой переправлю им подробную документацию. Банк ничего не получит. Все их старания будут равняться нулю. Если они завладеют акциями, их можно будет обвинить в краже в особо крупных размерах. С ожерельем можно проделать то же самое. Надо лишь зафиксировать факт наличия у них того или другого. Например, при обмене. И Алина не сможет требовать с меня бриллианты. Я отдал ей как залог чужие акции. Она будет вынуждена вернуть их тебе.

– А потом пришлет тебя.

– Кто-то это все равно сделает. Я уже не жилец, но не хочу, чтобы дело всей моей жизни попало в руки прохвостов и ублюдков.

– Хорошее решение, папочка. Теперь ты стал обычным оборванцем. Имущество и недвижимость переписал на имя своей жены, с которой развелся, акции – на имя дочери. То, что жена и дочь – одно лицо, никого не касается. Как жена я все перепису на имя дочери. Передарю недвижимость сама себе, а потом уничтожу паспорт на имя Анны Гурьевой. Ее нет. Уехала. Навсегда. В неизвестном направлении. Осталась только дочь Ирина Савельевна Гурьева. Мультимиллионерша. А тебя отправлю на паперть подавать собиратель.

– Ты меня не выгонишь. Я тебя от вышки спас, простил убийство Анны. Той единственной, которую любил по-настоящему.

– Вот она тебя уже давно бы пришила. Нашел себе сучку на год моложе дочери! Благодарить меня должен. И хватит об этом. Подумай, что делать с другой шлюшкой. Оксана слишком много знает. Горничную может использовать любой, кто пронюхает о ее прошлом. А такой вариант исключать нельзя. Ты же видел, что менты привлекли к делу репортера Скуратова. Он носом землю рыть будет. У него досье на весь бомонд не меньше, чем у Фельдмана на криминалитет.

Гурьев задумался.

– Так или иначе, в нашем деле должны быть козлы отпущения. Полковнику Кулешову не обязательно знать все подробности. Не дай бог он твоим прошлым заинтересуется. Не знаю, до чего он сможет докопаться. Его надо отвлечь, нам его помощь не нужна, мы свою проблему решили.

– Скуратов – грязная личность, Кулешов это знает не хуже нас. А почему бы не использовать его в игре?

– Как связать его с Оксаной?

– Я знаю – как, если Оксана через сутки исчезнет навсегда. Почему бы ею не заняться, папочка? Тем более что тебе терять нечего, ты же уже похоронил себя. А вдруг выгорит что-то интересное?

В квартире раздался звонок, оба от неожиданности вздрогнули. Анна на цыпочках подошла к двери и глянула в глазок.

– Иди открывай, – сказала она отцу, вернувшись в комнату. – Кулешов и Скуратов, новоиспеченная сладкая парочка. Теперь ты понял, что я права? Я иду к себе, у меня алкогольное отравление. Разговаривай с ними сам.

Анна направилась в свою комнату, а Гурьев поспешил к входной двери.

6

Жена знаменитого ювелира Печерникова, создателя бриллиантового ожерелья, Алина Борисовна Малахова возвращалась домой в хорошем настроении. Черный парик и дымчатые очки лежали рядом на пассажирском сиденье ее машины, а поразившей всех алмазный гарнитур покоился в неприметной дамской сумочке. Телефонный звонок застал ее у ворот дачи, где она проживала с мужем круглый год. Звонившая женщина говорила очень тихо, но Алина узнала голос Анны Гурьевой и поняла – кто-то находится рядом с Анной, а потому выключила двигатель, чтобы лучше слышать.

– В доме полковник Кулешов и Венька Скуратов. Хороший тандем. Савву допрашивают. Следующая ты на очереди.

– Меня никто не видел в фойе.

– Я о другом. Савва пришел к нужному решению.

– Быстро. И запугивать не пришлось.

– Не помешает. А почему бы Скуратова не подставить под удар? Ты же знаешь его слабые места. Загляни в его досье. Кулешов – опасная акула. Почему бы ему не поперхнуться Скуратовым? Он лишняя кость в горле сыщиков.

– Ты ведь уже определила на эту роль свою горничную.

– Чем больше грязи, тем тяжелее из нее выбирать. А если нам как-то объединить Скуратова с Оксаной?

– Я подумаю и перезвоню тебе.

– Договорились. Кто-то стучится. Пока.

На лесном участке дорога, ведущая к огромному трехэтажному дому, пролежала между кустами роз. Подъехав, Алина поднялась на второй этаж и тихонько приоткрыла дверь мастерской мужа. Печерников трудился за рабочим столом, где стоял гранильный станок. Ювелир славился своим трудолюбием. Возраст и целая вереница болезней торопили его: он не успел сделать главного, своего шедевра, который вошел бы в историю, как Шапка Мономаха или яйца Фаберже. Но великому мастеру нужен безупречный материал для работы, и этим занималась жена Алина. Она творила чудеса. Супруги стояли друг друга, несмотря на разницу в возрасте, равную тридцати годам. Он ставил клеймо на изделиях, делая свое имя бессмертным, она выгодно продавала результаты его труда. Все деньги доставались Алине, Юлиана Андреевича Печерникова деньги не интересовали, он думал лишь о комфортных условиях для работы и качественном материале. И то, и другое у него было благодаря ненаглядной красавице жене.

Кабинет Алины ничем не напоминал рабочее место мужа. Здесь царила роскошь. В трех старинных комодах, стоящих в ряд, хранилась необходимая оперативная информация. Женщина выдвинула нужный ящик, достала папку и пролиستала документы. Некоторые места она перечитывала дважды. Захлопнув папку, взялась за телефон.

– Вы где? – спросила она, когда ей ответили. – Слушайте мои инструкции.

Разговор длился пять минут, после чего Алина перезвонила Анне Гурьевой.

– Они ушли?

– Поехали к вам. Юлик в курсе?

– Я его подготовлю. Тебе надо поработать сегодня ночью. Ты можешь найти горничную?

– Конечно. Она выполняет мои мелкие поручения согласно схеме. Вчера арендовала сейф, положила в него мою шкатулку, сегодня повезла туда же мои побрякушки. На этом ее работа заканчивается.

– Нет. Ты хочешь связать ее со Скуратовым. Для этого нам нужен снимочек Оксаны и Дины вместе. Дина – слабое звено Скуратова, через нее можно выстраивать дальнейшую работу. Я уже все продумала. Найди Оксану и привези ее в ресторан «Маяк». Наши дежурные привезут туда девчонку Скуратова.

– Это так просто?

– Не забывай, Валентино не только фокусник, но и гипнотизер. Ты сама расписывала мне его талант. Думаю, он справится, да и Герман – мужик не промах. Действуй, девочка, сейчас не до отдыха. Пружина сработала.

Алина переоделась и направилась к мужу, чтобы подготовить его к приезду сыщиков. Юлиан Андреевич во всем слушался свою жену, не вникая в ее сложнейшие интриги. Что Алина ни делает, все идет на пользу их бизнеса.

* * *

Известный в Хабаровске маг и волшебник Геннадий Васильевич Бартошевич, именовавшийся на афишах как Валентин Валентино, который сегодня успел побывать греческим магнатом Константиносом и украсть из апартаментов отеля четыре шедевра великих живописцев, отдыхал в ночном ресторане «Маяк» и набивал желудок вкусной пищей. Его партнер по московским делам Герман отвечал за операцию, но Бартошевич знал, от кого исходят приказы, а потому беспрекословно подчинялся своему временному партнеру, успевшему сегодня побывать в роли шофера лимузина. Прodelав работу в отеле, они отправились ужинать в ресторан, где Герман подрабатывал официантом. Зачем ему нужна эта должность, Бартошевичу было не известно, у Германа хватало денег, он ни в чем не нуждался, имел не одну машину и квартиру. Но эти факты биографии партнера фокусника не беспокоили. Его пригласили в Москву участвовать в афере века, он согласился. И дело не в гонораре. Артист Валентин Валентино мечтал о славе и заграничных гастролях, что ему и было обещано. Он поверил обещаниям, зная, от каких людей они исходили.

К их столику подошел официант.

– Да, кстати, Геннадий Василич, я вас не познакомил...

– Нас уже знакомили, Гера. Семен ко мне на Кутузовский через день привозит обеды из вашего ресторана.

– Почему я не знал об этом? – удивился Герман.

– Забывал тебе сказать, – ухмыльнулся официант.

– Ладно, Семен, я с тобой позже поговорю. Принеси двести граммов коньяку. Чистого, неразбавленного.

– Как ты можешь так обо мне думать, Гера?

– Давай, давай, поживее.

Официант отошел.

– Черт! – отложив вилку, ругнулся артист. – Сегодня футбол, а мы вынуждены дежурить. Все же сделано, и сделано на высшем уровне.

– Не бубни, Гена. Мы слуги государевы, всегда на часах, всегда в бдении. Нам не подходит поговорка: «Сделал дело – гуляй смело!» Мы написали первую страницу, а книга, как я думаю, будет толстой. Не шутки шутим.

Семен принес коньяк в графинчике и поставил на стол. Выпить Гера не успел, его отвлек телефонный звонок. Ответив, он молчал не менее пяти минут. Убрав мобильник в карман, встал.

– Гена, у нас работа. Серьезная. Потребуется особых усилий.

Он кивнул официанту, тот тут же подбежал.

– Готовь стол на четыре персоны, мы вернемся с дамами. Одна может прийти раньше.

* * *

Анна Гурьева остановила машину у дома на Фрунзенской набережной. Ей пришлось ждать еще десять минут, пока появилась их служанка Оксана. Та вышла из очень престижного дома, огляделась по сторонам, только потом подошла к машине и села.

– Ну рассказывай, девочка, – сказала хозяйка.

Оксана нервничала.

– Я все сделала, как ты велела. В начале десятого приехала в банк Савелия Георгиевича, прошла в отдел частных сейфов и положила в свою ячейку твои кольца и серьги. В твою же – шкатулку, которую положила вчера. Вот ключ.

Оксана достала ключ с брелоком в виде золотой медали и положила Анне на колени.

– Интересно, ты моего отца в постели тоже по имени-отчеству называешь?

– Тебе это интересно?

– Что ты дергаешься, Оксана?

– Думаешь, мне легко среди ночи удрать от этой сволочи? Пришлось уговорить его клофелином, до утра не очухается. Ты же обещала мне помочь.

– Давай-ка по порядку, милая беглянка.

– Все снова?

– Да, снова. У меня появилась новая идея. Итак?

– Что тут непонятного? Левша сбежал из зоны. Как ему это удалось, не знаю. В Украине его слишком хорошо знают. Рванул в Россию, решил в Москве затеряться. Тут нас судьба столкнула вторично. И все твой папочка. Он, видите ли, хочет, чтобы только я подавала ему жратву, даже в банкетном зале ресторана.

– Это нормально. Слишком много желающих его отравить.

– Для того и приручил меня. Так вот, в этом же ресторане оказался Левша. Он меня проследил. Мы поехали к вам домой. Так он выяснил, на кого я работаю, а потом взял меня за жабры. Грозил сдать. Но пугает. Меня сдаст – сам залетит.

– Это он велел тебе открыть ячейку в банке отца?

– Да. Я ему рассказала о существовании универсального ключа, который может открыть любой ящик, и о существовании единого контрольного кода. А что мне еще оставалось делать, если нож приставили к горлу? Вчера, когда ты мне дала шкатулку из слоновой кости, чтобы я отнесла ее в ремонт, я отнесла ее в банк. Савва мне рассказывал про наблюдения за ячейками. Если за три появления в банке ты не кладешь в сейф ничего ценного, ячейку снимают с наблюдения. Сегодня я отнесла туда твои побрякушки, золотишко всякое. Но об этом ты уже знаешь. Появлюсь завтра утром с пустячком, и ячейку снимут с контроля.

– Это мне понятно. Но чего ты добиваешься? В чем зерно?

– Твой отец обещал мне дать универсальный ключ и код. Я все рассказала, и ему в голову пришла отличная идея. Левша не знает одной очень важной детали. Когда тыходишь в хранилище, то предъявляешь ключ с номером на брелоке. Охранник тут же снимает твой номер ячейки с электронной охраны. Ты идешь к своему сейфу. Но если у тебя припрятан еще один ключ и ты попытаешься открыть чужой сейф, на пульте охранника сработает тревога. Ты же не показывал ему второго ключа, и другая ячейка не снята с сигнализации. Все входы и выходы тут же блокируются. Вор окажется в ловушке. Если я дам наводку Левше на чужой сейф и передам универсальный ключ, он попадет в капкан. Другого способа от него избавиться я не знаю. Ты знаешь, во сколько мне обошлась квартирка в этом доме? Пока Левша из меня всю кровь не высосет, он меня в покое не оставит. Убить я его не могу, он в Москве не один, его подручных я не знаю, зато они меня знают. Левша сдохнет – меня в порошок сотрут. А если он завалится на банке, то я буду ни при чем.

Анна немного помолчала, над чем-то посмеиваясь.

– Сама идея мне нравится, надо взять ее на вооружение. Папочка у меня мужик умный, но ничего не смыслит в ментовских делах. Все ваши идеи требуют чистки, как старые персидские ковры. То, что наводку своему бывшему другу дала ты, а не кто-то другой, его подельники будут знать первыми, если только он не решил их кинуть. А если он завалится, то виноватой окажешься ты. Из чего следует вывод. Пока ты не будешь знать всех его друзей, трогать Левшу нельзя. Убирать надо всех одновременно обычным бандитским путем, что вполне естественно для таких фруктов, как он. Сдохнут украинские бандюки – никто в таком дерьме возиться не станет. Никакого мудрежа. Заточку в бок, и готово. Исполнителей я найду. А теперь представь себе на секундочку. Твоего хмыря берут в банке с универсальным ключом и знанием секретного десятизначного кода. Такие ключики в металлоремонте не закажешь, они с намагниченными фасками. И код на калькуляторе не просчитаешь. Значит, грабителю помогал свой. И не простой клерк, а имеющий доступ к святой святых. Кто? Если Левша тебя не сдаст на первом допросе, тебя все равно просчитают, стоит копнуть его прошлое. Кто не сидит в зоне из его банды? Вероника Кутько. Запросят дело Левши, а там твоя фотография. Бог мой, так это же служанка генерального директора Гурьева! Черный паричок и темные очки тебя не спасут. Ограбление банка – дело серьезное, а убийство бандюг из бывшего СССР никого не трогает. Перемудрили вы с папашкой. Делать будешь то, что я скажу.

– Ладно. Поняла.

– Сейчас поедem в ресторан «Маяк». Официант, его зовут Семен, посадит тебя за столик. Потом к тебе присоединятся двое мужчин и девчонка. Делай все, что будет говорить Герман. Из ресторана поедешь домой, в квартиру, которую отец для тебя снимает. Жди моего звонка. Все поняла?

– Все.

* * *

Герман и фокусник остановились перед дверью квартиры, и, прежде чем позвонить, Герман спросил:

– Ты готов, Гена?

– Чтобы ввести в состояние транса, мне нужно видеть глаза. Через дверь я не могу управлять человеком, ничего не получится. Как только поймаю ее взгляд, она наша, твори с ней что хочешь.

– Соберись. Я звоню.

Дина уже спала. Настойчивые звонки в дверь разбудили ее. Девушке очень не хотелось вставать. Неужели Венька с вечеринки решил к ней закатиться? От этого психа что угодно можно ожидать. Дина встала, накинула халатик и пошла открывать дверь. Это была одна из множества квартир, арендованных Скуратовым по всей Москве. Слава богу, Дина уговорила его сюда никого из посторонних не приводить. Ей тоже нужен свой угол для отдыха, в том числе и от самого Вени. Какое счастье, когда он занят. Она так устает от него и его дурацкой работы, в которую он ее втянул, что иногда хочется все бросить и бежать куда глаза глядят. Но Дина не могла сбежать. Венька был единственным человеком, трамплином, который мог поднять ее на международный подиум. Приходилось терпеть. Иногда и рукоприкладство. Чего не сделаешь во имя будущего?

Дина подошла к двери и открыла, не спрашивая «Кто там?». А кто, кроме Веньки, мог прийти сюда, у Дины даже парня на стороне не было. Она всего себя лишила ради карьеры.

На площадке стояли двое незнакомых мужчин. Один из них был уже немолод, солиден и очень хорошо одет. Она смотрела на него и не могла отвести взгляда, будто завороченная.

На его лбу надулись жилы, карие глаза с красными прожилками на белках блестели так, будто в них стояли слезы.

– Я тот, кто сделает из тебя звезду первой величины. Ты станешь знаменита на весь мир. К твоим ногам посыпятся миллионы долларов и охапки роз. Я пришел за тобой, чтобы научить тебя азам профессии царицы. Сейчас ты оденешься, возьмешь ключи от фотостудии Скуратова, и мы поедем туда. Именно там ты должна сделать свой первый шаг. Шаг к своему трону! Ты готова?

Дине казалось, что она парит в небесах. Голос свыше проникал в ее сознание, и это было так сладостно! Девушке хотелось улыбаться и следовать приказам сказочного голоса.

Крылья принесли Дину и ее странных ангелов-хранителей в студию Вени Скуратова, где он делал свои лучшие фотографии и кинопробы. Здесь имелась вся техника, за ширмой стояла огромная кровать с подсветкой со всех сторон. На ней Скуратов фотографировал моделей для эротических журналов. Мастерская находилась в доме на Тверской, напротив телеграфа. Верхние этажи со стеклянными крышами принадлежали художникам с крупными именами, говорят, когда-то здесь даже Кукрыниксы имели свою студию. С Вениными связями можно всего добиться, так что гости не удивились, увидев шикарные хоромы и море дорогой техники и осветительных приборов. Волшебник-маг Валентин Валентино исполнял роль фотографа и кинооператора, а его спутник разыгрывал с Диной любовные сцены пред объективом. Когда дело дошло до постели, он надел на лицо маску. Костюмов и масок любых размеров здесь хватило бы на все случаи жизни.

Вряд ли девушка понимала, что с ней происходит, она пребывала в эйфории, словно ее накачали наркотиками. Закончив съемку, компания поехала в ресторан. Там их ждала другая девушка, не такая красивая, но вела она себя непринужденно. Герман сфотографировал обеих, предложив им обняться, как старым подружкам. Сидели недолго. Сначала завезли домой Оксану, а потом Дину. Девушка легла в постель и тут же уснула. Если она и вспомнит события этой ночи, то только как сон. Ей часто снились эротические сны, молодость требовала большего, чем она получала.

Оксана выполнила задание своей хозяйки Анны, но так и не поняла, с какой целью ее послали в ресторан, в компанию непонятных людей, которых пришлось ждать битый час, а потом слушать всякую глупую болтовню.

Она вернулась домой уставшей. Покормив свою собачку, спать ложиться не стала, ждала звонка, но так и заснула, сидя в кресле.

7

Последняя электричка на всех парах мчалась к Туле. Вагоны пустовали, в ночь на воскресенье из Москвы никто не уезжал. Дачники отправились на природу еще в пятницу вечером, запоздавшие уехали утром. Девушка с русой косой и курчавый паренек, немного похожий на цыгана, ехали вдвоем и пели песни.

– А если они кого-то убили? – глядя в окно, вдруг спросила девушка.

Парень отмахнулся:

– Нет. На убийц они не похожи. Вообще, мне ребята понравились. Ты же понимаешь, Ирочка, они могли нас наколоть и ничего не заплатить. Мы сидели и ждали их в машине весь вечер. А если машина угнана? Они обчистили иностранцев в номерах и тихо ушли. Все! Ищи ветра в поле. А нас взяли бы в угнанной машине. Нет. Они честные ребята. Двадцать тысяч! Мы о таких деньгах и думать не могли. Принесли же.

Он похлопал по рюкзаку и почувствовал ладонью что-то твердое. Открыв рюкзак, достал бутылку шампанского.

– Черт, а я и забыл о презенте!

Покопавшись в вещах, нашел пластиковые стаканчики с логотипом отеля «Континенталь».

– Класс! – воскликнул парень.

– А зачем нам эти тряпки? – спросила девушка, указывая на скомканную униформу прислуги отеля.

– Они сказали, что в Туле нас встретит парень и заберет ее. Значит, ею еще раз хотят воспользоваться. Какое нам дело, в конце концов.

– А если нас найдут, Витя? Я боюсь!

– Поздно вспомнила о страхе. У них, кроме наших фотографий, ничего нет. Адреса вымышленные. Кто догадается искать нас в Туле? Забудь. Мы для ментов недостижимы. Давай-ка отметим успех мероприятия. Смотри, настоящее французское шампанское. Никогда не пробовал.

Виктор открыл бутылку, подал Ире стаканчик и разлил напиток. Они чокнулись, выпили. Через двадцать минут ребята уснули и умерли во сне.

Какой-то оболтус проходил по вагонам в надежде стрелкнуть сигаретку, но как назло среди малочисленных пассажиров не нашлось ни одного курящего. В одном из вагонов он увидел молодую парочку. Девушка спала на плече парня. Он хотел их разбудить, но передумал. На сиденье лежал пухлый рюкзачок. Поезд подъезжал к Серпухову, до станции оставались считанные километры. Проснувшись, они опомниться не успеют, как он будет уже далеко. Парень взял рюкзак и направился к последнему вагону. Там можно прыгнуть с платформы и никому не попадешься на глаза.

Он не знал о том, что эти ребята уже не проснутся и что в Серпухове дорожная милиция обнаружит их трупы. Он также не знал о двадцати тысячах долларов, лежащих в рюкзаке. И уж тем более не мог догадаться о том, что его арестуют в обменном пункте валюты, так как доллары окажутся фальшивыми.

8

К тому, что известный аферист Всеволод Дербенев и его сообщники не сели в фургон, а вместо них с парковки выехали трое других мужчин, которые, в конце концов, погибли в момент столкновения с бензовозом, следует добавить одну деталь. Погибшим передали некоторые вещи: Дербень отдал Фоме свои часы и перстень, Иван Шатилов отдал Родьке свои часы, третий поделец Дербеня Валерий Волков, выполнявший роль шофера, ничего не дал своему двойнику. Почему? Да очень просто. Команда Дербеня знала о готовящейся катастрофе. Своим двойникам они передали только металлические предметы, то есть те, которые не сгорят в огне. А от шофера ничего не останется, он разобьется в лепешку. Потому Волков ничего не стал дарить сменщику.

Дербень с Иваном отправились на банкет, а Валерий до конца сыграл роль сторожа парковки, поговорил с оперативником и только после этого уехал домой. Точнее сказать, он отправился в Свиблово к Валентине, где они прожили целую неделю, отвлекая внимание банды Игумена на себя и на фургон, над которым изрядно потрудились, изменив его облик до неузнаваемости.

Дербень был человеком опытным, осторожным и расчетливым, оттого всегда оставался в выигрыше. Так получилось и на этот раз. Но чтобы разобраться в его планах, придется вспомнить детали, а их немало. Не будем торопиться, проследим пока за событиями той злополучной ночи, когда все шло не так гладко, как выстраивалось в планах. Кое-что приходилось исправлять по ходу событий. Не надо забывать о том, что полковник Кулешов, лучший сыщик МУРа, уже приступил к работе, взяв себе в помощники репортера светской хроники Веню Скуратова. Такая команда могла докопаться до истины, если им не смешать все карты на начальном этапе. Участники аферы это понимали и делали все возможное, чтобы сбить сыщиков со следа, но от сюрпризов никто не был застрахован.

Вернувшись в село, Валерий нашел Валентину мертвой. На полу валялись две гильзы от пистолета «ТТ». Воронов ничего трогать не стал, тут же позвонил Дербеню:

– Сева, люди Игумена убили Валюху. Скорее всего, это сделал Черпак. Я не знаю, что делать.

– Скоты! Значит, они поджидали нас в доме, и Валя их видела. Игумен и Гаврилыч ехали следом за фургоном. На даче ловушка должна была захлопнуться. Не получилось.

– Да, я видел на шоссе останки фургона. Уже все загасили. Пока там только местные менты, но Кулешов наверняка придет.

– Не сомневаюсь. Из чего в нее стреляли?

– Из «ТТ». Две гильзы валяются на полу.

– Возьми в сарае ящик с инструментами, там лежит «браунинг» с патронами от «ТТ». Сделай два выстрела в воздух через глушитель и замени гильзы. В ящике мобильный телефон. Положи его рядом с трупом, но так, чтобы не бросался в глаза, после чего уходи. Езжай на стоянку и возьми мой джип. Сиди в машине и жди моего сигнала. Рабочий день может затянуться на сутки. Слишком много нежданчиков, поправки будем делать на ходу.

Дербенев убрал трубку в карман, подошел к двери и слегка ее приоткрыл. Он находился в московской квартире галерейщиков Баскаковых. Юлия с мужем приехала с банкета, накачала Илью Даниловича снотворным и уложила спать, после чего подала сигнал Дербеневу, и тот поднялся в квартиру. Юлия ждала гостя. Гость пришел. Им оказался Игумен. Дербенев тут же перешел в соседнюю комнату, оставив дверь приоткрытой.

Хозяйка проводила Игумена в гостиную и предложила сесть на диван.

– Ну, как ваши успехи, Костя?

– Дербеня больше нет. Вознесся к небесам.

– Скорее, провалился в ад. Что ж, его там заждались. Не наследили?

– Мы его поджарили. Ад он получил на земле.

Игумен всегда плохо врал, и это было заметно по бегающим глазкам.

– Теперь вы мне можете сказать, почему отказались от его услуг и передали дело мне.

Я не так удачлив, как Дербень.

– Мне нужен не «удачник», а исполнитель, – сказала Юлия. – Дербень сделал свое дело. Он придумал гениальный план, вам надо лишь следовать его схеме, не отступать ни на шаг от его задумки. К сожалению, Дербень попал в поле зрения ментов, Костя. Он под колпаком Кулешова, за ним установили наблюдение, поняв, что Сева готовит крупное дело. Меня такой вариант не устраивает. Сорвать операцию всей своей жизни я не могу. Мне жаль великого комбинатора, но рисковать было нельзя. Второго шанса не будет. Теперь, когда Дербень погиб, Кулешов успокоится. Тем более что у него возникли новые проблемы. Самое время воспользоваться случаем.

– Но я до сих пор не знаю кодов замков.

– Я их тоже не знаю. Дербень их знал. Он связан с людьми, которые устанавливают электронные замки. Этим занимается специальная фирма, у меня нет на нее выхода.

– Таких фирм немало. Я в курсе событий. Они устанавливают свой код как демонстрацию работы запоров, но после ухода установщиков владелец сейфа меняет код на свой. Это же очевидно. Зачем нужен еще кто-то, способный вскрыть замок без ведома владельца? Начнет процветать спекуляция чужими кодами, а я о таком бизнесе не слышал.

– Мой муж – особый случай. Он пользуется кодом, установленным фирмой, и менять его не будет. Коды указаны в завещании, оно у его преданного адвоката. У Ильи Даниловича большое сердце, он может умереть в любую минуту и унести секретные коды с собой в могилу. По этой причине коды не меняются годами.

– Вы уверены, что Дербень знал коды?

– Они написаны на его схеме. Я видела их, но запомнить не смогла. И зачем они мне?

Теперь схема у вас.

Игумен побледнел:

– Там нет кодов.

Юлия Михайловна строго взглянула на собеседника.

– Вы идиот, Константин. У вас на руках не та схема. набросок. А я видела оригинал. Ищите.

– Завтра же обыщу дома всех. Жену Дербеня и Ивана наверняка вызовут на опознание трупов, мы успеем проверить их норы.

– Я со своей стороны сделаю все, что смогу, но гарантий никаких. На меня не рассчитывайте. Ройте землю носом, делайте, что хотите, но операцию вы сорвать не должны. Слишком высокие ставки. А теперь идите, мне нужно все обдумать.

Игумен испугался. Юлия Баскакова могла отказаться от его услуг, и тогда он лишится самого крупного куша в своей жизни. Ведь добытая им схема содержала лишь общие черты операции, на пути стояли препятствия, которые не перешагнешь, как кучу навоза. За пустяковую работу таких денег не платят.

После ухода Игумена из соседней комнаты в гостиную вышел Дербенев.

– Все слышал? – спросила Юлия.

– У него фантазии не хватило бы поджечь фургон.

– Кому понадобился фейерверк?

– Все очень просто, Юленька. Игумен со стариком ехали следом за фургоном, а на даче, где мы прожили неделю, фургон поджидала засада. Ловушка могла сработать. Не убивать же мне Игумена, пока он не выполнил свою работу. Значит, он должен стать победителем. Игумен должен твердо знать, что меня в живых нет, при этом не видеть трупов. Меня должны

похоронить все, и не только Игумен. Главное – полковник Кулешов. Значит, трупы моей команды надо кремировать до того, как их опознают. Вот и вся хитрость.

– Ты большой мастак на идеи. Что я без тебя делала бы? С моим вопросом пока закончено. Звонила Анна. У нее не все в порядке, надо помочь девочке. Я ей сказала, что ты у меня. Пока мы разбирались с Игуменом, она подъехала, ждет тебя в машине на улице.

– Да, Анна – самое слабое звено в цепи, с ней мы еще намучаемся. Ладно, отдыхай, мне в эту ночь не заснуть.

Всеволод покинул Юлию Баскакову и встретился с поджидавшей его Анной Гурьевой. Девушка от волнения грызла ногти.

– Какие проблемы, красавица? – спросил Дербенев, сев в машину.

– Моя схема требует переработки.

– Что не так?

– Горничная. Моя горничная Оксана открыла ячейку в банке моего мужа. Вчера положила туда мою шкатулку. Для отвода глаз. Сегодня зафиксировалась в банке с моей бижутерией. Все это делалось без моего ведома. Теперь по порядку. Девчонка с прошлым. Работала в банде Левши в Украине. Банду взяли, она выскользнула, притаилась в Москве. Левша бежал из зоны, нашел девчонку, теперь хочет с ее помощью обчистить ячейки в банке. Хуже всего то, что она много знает. Мой муженек слишком болтлив в постели. Но Оксана понимает, что Левша ее грохнет, как только они провернут это дело. Ему обуза не нужна. Похоже, он в Москве не один. У нас в доме был полковник Кулешов и Венька Скуратов. Савва обещал Вене пятьдесят кусков за ожерелье.

– Ушлый тип, – кивнул Дербенев. – Пожалуй, он опасней Кулешова.

– Алина тоже так считает. Слабое место Скуратова – его девчонка. Алина предложила работать через нее. Я использовала талант фокусника. Они с Германом вытащили ее из дома, отсняли порнушку и сделали снимки Оксаны с Диной, так зовут пассивку Скуратова. Сейчас Оксана ждет меня на съемной квартире.

– Гипноз?

– Валентин Валентино мастак в этих делах.

– Интересные идеи выдвигает наша Снежная королева. Значит, Алина хочет перетасовать карты еще раз. Оксана – бандитка в розыске, в Москве находится ее сообщник. Они знакомы с Диной, девчонкой Скуратова. Таким образом Скуратова можно притянуть за уши к делу, если он начнет работать по нашей схеме. Как? Надо выложить для него след, по которому пойдет только он, один, без Кулешова.

– Скуратову обещаны премиальные, и он ни с кем делиться не захочет, – уверенно сказала Анна. – К тому же речь идет о сенсационном журналистском материале. Скуратов будет действовать сам по себе.

– Я тоже так думаю. И вот что важно. Скуратов – носитель идей, а Дина, Оксана и Левша из Украины – его пешки, их надо крепко повязать между собой.

Анна покачала головой.

– Нет. Оксана может попасть в лапы полковника раньше, чем до нее доберется Скуратов. Она не должна открывать рот, иначе все полетит вверх тормашками.

– Значит, ее придется убрать.

– Для этого я и приехала сюда, у меня в багажнике шампанское. Я могу войти в дом незамеченной. Савва снимает в доме две квартиры. Одну для Оксаны, вторую для деловых встреч с партнерами по алмазному бизнесу. Я там часто бываю на торжественных приемах, и мое появление не смутит консьержку. Но я не смогу сделать все как надо. Что-нибудь упущу.

– Сможешь сработать под Оксану?

– Наверное. На голову можно повязать косынку, надеть ее вещи, очки, а главное, собачка. У нее есть болонка.

– Отлично. Позвонишь консьержке и скажешь, что вызвала такси. Пусть попросит таксиста подняться за вещами. Я поднимусь. Остальное решим на месте.

– Ты гений! Значит, Оксана решила удрать из города с ожерельем.

– Нет, слишком примитивно. Она хочет удрать от Левши, но Левша ей этого не позволит сделать. Поехали.

* * *

Юлия Михайловна Баскакова не собиралась ложиться спать, ей нужно было исправлять ошибки бездарного грабителя Игумена. После отъезда Дербенева она покинула свой дом. Ночная Москва опустела, и ей удалось добраться до квартиры сына за полчаса. Алеша и Уля не спали. У них тоже ночь выдалась не из легких. Сын Юлии никогда не приезжал к матери. Три года назад он разругался с отчимом, галерейщиком Баскаковым, и больше в их доме не бывал. Юлия ездила к сыну тайком, а Илье Даниловичу сказала, будто сын уехал учиться в Лондон и они лишь изредка разговаривают по телефону.

У Баскакова был скверный характер. Этот человек, не способный на компромиссы, был жаден и очень злопамятен. Вряд ли такой способен на любовь. Фанатик-коллекционер, одиозная личность с огромными амбициями. Он мечтал прославиться на весь мир, разыгрывал из себя нового Третьякова. Галерею назвал собственным именем и, как великий меценат, завещал ее народу после своей смерти. Единственным, кого он ценил и слушал, была его жена. История, похожая на семью ювелира Печерникова. Юлия прослеживала все мировые аукционы, вела переговоры, распоряжалась деньгами, закупками, продажами, а Илья Данилович лишь рассматривал каталоги и тыкал пальцем с восхищением: «Хочу этот холст!» На «хочу» был ответ: «Будет». Чего у Баскакова не отнимешь, так это его профессионального чутья. Он безошибочно определял, какая картина, какой художник в недалеком времени поднимется в цене, что надо покупать сейчас, а что еще не созрело и с покупкой можно повременить. Конечно, команда получилась прекрасной, планы на будущее строились грандиозные.

Сын был рад приезду матери.

– Я очень беспокоилась за вас, – начала Юлия с порога, расцеловав сына и его молоденькую жену.

– Кажется, мы справились с задачей, все прошло по плану.

Алеша провел мать в комнату и показал на экран монитора.

– Вот главный снимок. Анна выходит из отеля без ожерелья. Я отснял еще два десятка интересных кадров, которыми можно поспекулировать.

– Молодец. Но до этого еще далеко. Тебе надо поехать в дом к Ивану Шатилову и положить под скатерть стола эту схему.

Мать выложила на стол свернутый лист ватмана.

– Это скорректированная Дербеневым схема с нужными кодами. Сева не хотел ее отдавать Игумену, пока тот не доведет первый этап операции до конца. Теперь перед ним можно приоткрыть вторую карту из колоды.

– Когда ехать?

– Утречком. Жен погибших вызовут на опознание. Игумен этим воспользуется, но начнет обыск с дома Дербеня, потом переберется к Ивану. Ты успеешь. И еще. Тебе надо встретиться с Севой. Дербень хочет, чтобы ты познакомился с его женой. Вы же уже виделись с ней?

– С Катей? Виделись мельком пару раз.

– Очень хорошо. Значит, она тебе поверит. В следующую субботу Дербеню потребуются алиби и он не сможет участвовать в операции. Он хочет, чтобы его продублировала Катя. Она женщина умная. План уже есть. Ты должен ее подстраховать. Помни главное –

Кате неизвестна вся правда и ей не надо знать деталей. Не вмешивайся, если ее идеи не будут противоречить нашей схеме. Ты все понял?

– Конечно.

– Отца давно видел?

– Вчера. У него все готово, он тебя ждет.

– Скоро приеду. Сейчас нужна осторожность. Я найду нужный момент.

– Полотна у тебя?

– А где же им быть.

Юлия улыбнулась, расцеловала детей и ушла.

9

На журнальный столик упала пачка газет.

– Вот. Эти статьи о деятельности нашей банды я собирала по крупицам. Когда-то гордилась своими подвигами, – объясняла Оксана своей хозяйке. – Тут есть снимки всех участников банды на суде. В общем, вся история.

– Зря ты хранишь компромат сама на себя там, где живешь. Но теперь статьи могут послужить оружием против Левши. В какой квартире он живет?

– В сто двенадцатой на седьмом этаже. Подъезд ты помнишь.

– Им займутся. Позвони консьержке и скажи, что вызвала такси. Пусть попросит таксиста подняться за вещами.

– Я уезжаю?

– Ты останешься в Москве, но будут считать, что ты уехала. Нам нужно, чтобы Левша засуетился и вывел моих людей на своих сообщников. Уничтожить надо всех. В каком виде ты ездила в банк?

Оксана достала из сумки парик, очки и указала на платье, висящее на стуле.

– Понятно. А теперь звони консьержке, она должна разнести слух о твоём отъезде.

Оксана стала звонить, а Анна достала из целлофанового пакета бутылку шампанского. Дальше все проходило запрограммировано. Оксана выпила шампанского и тихо уснула в кресле.

Через пятнадцать минут в дверь позвонили. Анна открыла, ее трясло.

– Ну, ну, детка! Не надо так нервничать.

– Я ее убила.

– Ее убил яд, а не ты. Ты собрала чемодан?

– Нет, не успела.

– Собери. Здесь ничего не должно оставаться.

– А что мы будем делать с трупом?

– Решение этой проблемы мы оставим Скуратову. Я уже придумал, как его сюда заманить.

– У Оксаны есть газеты со всеми подробностями о деятельности ее банды.

– Они нам пригодятся. Покажи-ка мне свою сумочку.

Анна подала Дербеневу изящную сумочку из крокодиловой кожи. Он вытряхнул все дамские побрякушки на стол.

– От чего этот ключ с номером на брелоке?

– От банковского сейфа. Туда она положила мою шкатулку и ювелирию.

– Очень хорошо. Мы подумаем, что еще туда можно положить. Если Скуратов воспользуется этим ключом, значит, он связан с Оксаной, что и требуется доказать. Ты говорила о том, что Оксана была сегодня в ресторане «Маяк»...

– Да. Ее фотографировали с Диной.

Разговаривая, оба занимались делами. Анна собирала чемоданы, запихивая в них немногочисленные вещички хозяйки, а Сева вынимал фотографии из рамок. Это были снимки самой Оксаны, но когда находят в пустой квартире с трупом пустые рамки, обычно делают вывод, что убийца унес свои портреты с места преступления. Стекла некоторых рамок Дербень разбивал как доказательство нетерпения и нервозности убийцы.

Анна нашла рыжий парик с короткими волосами.

– Вот он. Она сказала, что в банк ходила в этом парике.

– Очень хорошо. Положим его в твою сумочку, которую убийца забыл или не заметил. Чем больше путаницы, тем лучше. Наша задача – не дать сыщикам свести концы с концами.

Никакой логики, сплошной сумбур. Найди ее записную книжку и впиши туда несколько телефонов ее почерком. Это нетрудно. Я думаю, Оксану можно связать даже со мной, тогда у ребят точно крыша съедет.

Он достал из кармана золотую зажигалку со своими инициалами и бросил ее в сумочку.

Когда все приготовления к уходу были готовы, Дербенев обратил внимание на телефон.

– Здесь есть автоответчик. Старый образец с кассетой. Надо оставить ей сообщение – назначить свидание в «Маяке». А ты женским голосом с металлическим оттенком укажешь время звонка.

– И что это даст?

– А то, что главным подозреваемым в краже бриллиантов остаюсь я. Но я погиб. Бриллианты не горят, а в обломках фургона их не найдут. Значит, я их кому-то передал. Почему не Оксане? Может быть, сейф она арендовала по моему приказу. Я погиб, Оксану убили конкуренты, ключ остался в сумочке, сумочку найдет Скуратов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.